

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

❄️ Хищная
птица-любовь

Инна Юрьевна Бачинская
Хищная птица-любовь
Серия «Детектив сильных
страстей. Романы И. Бачинской»
Серия «Детективный
триумвират», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63802561

Хищная птица-любовь: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118399-8

Аннотация

Накануне Нового года в городе случилось загадочное убийство – девушку задушили в кинотеатре прямо во время сеанса. Жертвой оказалась Елена Антошко, сотрудница компании «Мегамакс» и по совместительству любовница ее владельца, Максима Кускова. Он собирался развестись со своей старой женой Раисой и жениться на Елене, но не успел. Раиса знала о связи мужа на стороне, следила за любовниками, поэтому, конечно, первой попала под подозрение. Тем более, за обшлагом ее шубы была найдена розовая жемчужина из ожерелья Елены, которое ей подарил Максим...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Счастливого Хеллоуина!	7
Глава 2. Друзья вспоминают минувшие дни...	15
Глава 3. Декабрь из мрачных туч дождями сыплет...	28
Глава 4. А что дальше?	43
Глава 5. Дамские разговоры за жизнь	52
Глава 6. Любовницы и жены	65
Глава 7. Друзья, друзья... друзья?	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Инна Бачинская

Хищная птица-любовь

© Бачинская И. Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Яшмовых одежд стих легкий шорох.
О, какой тоскою полон я,
Не сказав любимой,
Что осталась дома,
Ласкового слова, уходя...*

Какиномото-Но Хитомаро. Яшмовых одежд...

*Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое сходство их с реальными
лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор.*

Пролог

Фойе 3D кинотеатра «Мультиплекс»: две стойки с попкорном и кока-колой, очередь визжащих ребятишек и урезонивающих их родителей, кучки подростков, занятые собой парочки, несколько людей в возрасте, сидящих в мягких креслах вокруг журнальных столиков. На стенах красочные плакаты с известными актерами, кадрами из культовых фильмов, мультиков и художественных, тумбы с анонсами и обещание «зрелищных спецэффектов в технологиях объемного изображения». Здесь же программы в карманчиках: «Пираты Карибского моря номер три», «Монстры на каникулах номер четыре», «Человек-паук номер два», «Зов джунглей», «Королевский корги», «Как приручить дракона» и много-много других для больших и маленьких. Как нельзя более кстати полузабытое название кинотеатра – «иллюзион». Иллюзион «Мультиплекс» к вашим услугам. С четырьмя сравнительно небольшими кинозалами с фильмами на все вкусы.

Приглушенный рэп; улыбчивые пареньки в синей униформе – по виду подрабатывающие студенты, – отмеряют в бумажные ведра попкорн и наливают в литровые бумажные стаканы кока-колу, принимают верхнюю одежду за стойкой раздевалки, раздают специальные очки и проверяют билеты.

Наконец открыли двери, и толпа повалила в зрительный

зал. Молодняк впереди, подростки подальше, парочки – последними. Смех, топот, гомон, рев: кто-то опрокинул стакан или поперхнулся, кому-то мало, кто-то хочет сидеть поближе. Вспыхивает экран, шум стихает, хрустит попкорн.

Фойе опустело, и стало непривычно тихо. Пареньки-служители могут передохнуть и расслабиться. Сеанс – четырехчасовой, последний, на сегодня все. Через час с небольшим они примут очки, раздадут пальто, соберут забытые в зале вещи, растолкают уснувших, случись такие, и по домам.

Но по домам не получилось. Народ потопал из зала, приятно возбужденный, пересказывая друг другу самые «прикольные» моменты; толкаясь и смеясь, бросился к вешалке. Еще двадцать минут, и фойе опустело во второй раз. Теперь, действительно, все.

Парень в синей униформе шел вдоль прохода, просматривая ряды. В предпоследнем, пятнадцатом, кто-то сидел. Парень остановился и крикнул: «Просыпайтесь, кино закончилось, мы закрываемся!» Но человек остался недвижим. В слабом свете его было трудно рассмотреть, и служителю пришлось протиснуться между рядами; по дороге что-то хрустнуло под ногами. Он добрался до человека – это была женщина, которая, похоже, уснула. Голова ее свесилась на грудь, волосы закрыли лицо; сумочка упала на пол. «Послушайте, мы закрываемся!» – Парень тронул ее за плечо, и она стала заваливаться набок. Он отпрянул, пробормотав что-то сквозь зубы, и достал из кармана мобильный телефон...

Глава 1. Счастливого Хеллоуина!

Нашему народу лишь бы гулять. Казалось бы, ну при чем к нашей культуре и быту чуждый заимствованный непонятный праздник? Так нет же, гуляем! Наряжаемся под нежить, устрашающе раскрашиваем лица, цепляем резиновые зубы, носы, уши, надеваем жуткие одежки, и ну выть, визжать, выключать свет, выскакивать из-за угла и пугать. Словом, вести себя как нежить с той стороны, попавшая на минутку в наш мир и стремящаяся причинить как можно больший моральный, а иногда и физический, ущерб. А уж если принять на грудь, то вообще потеха. Хохот, толкотня, дикие танцы. А тут еще громогласный неугомонный тамада-затейник с конкурсами на самую зверскую рожу, самый удачный костюм, с танцами и бегом в мешках.

Короче, корпоратив в «Мегамаксе», компании по продаже бытовой техники. Макс – это хозяин, Максим Андреевич Кусков, по прозвищу Большой Макс, что значит то же, что и «Мегамакс». Не мальчик, но муж. Сорок с гаком, крупный, энергичный, подвижный, прекрасный танцор, а еще умеет показывать фокусы. С картами. Не бог весть что, в Интернете таких полно, да и получается через раз, но тем не менее. И вообще, когда начальство рассказывает анекдот, принято смеяться. В Древнем Риме, говорят, могло дойти до физического устранения подданного, который не смеялся шутке

хозяйина.

На праздник в кои веки пришла супруга Мегамакса, Раиса Витальевна, у которой проблемы не то со здоровьем, не то еще какие – говорят, мадам хорошенько закладывает за воротник, а потому супруги нигде не появляются вместе. Раиса Витальевна старше мужа на несколько лет, что бросается в глаза. Располневшая, нескладная, смуглая, неудачно одетая – в белое длинное платье и белые туфли на высоких каблуках при черных чулках. На шее у нее подвеска – крупная грушевидная жемчужина на золотой цепочке, две такие же в ушах. Настоящие, стоящие заоблачных денег. Черные вьющиеся волосы распущены по плечам. Работники компании в основном женщины, мужчин – раз-два и обчелся. Сплетни, слухи, перемывание костей, а как же! Раису Витальевну уже обсудили, высмеяли и обозвали старухой. Но каждая подошла поздороваться и выразить радость по поводу ее присутствия, даже новенькие. Она улыбалась и кивала, прикидывая, кто из них...

...Раиса Витальевна сидит за столиком одна, иногда подбегает супруг, приносит бокал шампанского и тарелочку с канапе, на бегу целует ее в щеку и уносится. Вокруг хохочут и танцуют: несколько ведьм в высоких черных колпаках и резиновых мордах с бородавками, французские горничные в коротеньких платяницах и кружевных передничках, Фрэдди Крюгер – тоже в жуткой резиновой маске, с окровавленными длинными ногтями, рычащий и пугающий радостно визжа-

щих барышень. Парочка вампиров, а как же! С клыками и дьявольской улыбкой, с торчащим над ушами воротником. И королева бала – кошечка в обтягивающем черном трико, с нарисованными на щеках усами и черным кончиком носа, с очаровательными ушками и длинным хвостом. В узкой маске, скрывающей глаза, с темными волосами, связанными в конский хвост. Изящная, гибкая, со скользящими движениями, в полном осознании собственной неотразимости.

Взгляд Раисы Витальевны скользит по смеющимся лицам и спрашивает: кто? Которая из них? Она следит взглядом за мужем, который танцует со всеми женщинами подряд, говорит комплименты, приобнимает, прижимает к себе и целует в щечку или в лоб. Вполне невинно, необходимо заметить, прицепиться не к чему.

Раиса Витальевна пьет не то третий, не то четвертый бокал шампанского. Перед ней пластиковая тарелка с парой крошечных канапе, проткнутых шпажками. Она к ним не притронулась. Она чувствует себя чужой, ей неинтересно, на лице застыло угрюмое выражение неудовольствия.

На стул напротив садится большая грузная женщина, с улыбкой смотрит на нее и говорит:

– Рай, сто лет тебя не видела! Помнишь меня?

– Шура! – Раиса Витальевна оживилась. – Конечно, помню! Я думала, ты на заслуженном отдыхе... Максим, кажется, упоминал.

– Была, отдохнула три года, а потом попросилась обратно.

Чуть с ума не сошла в няньках, да и старая уже по дому крутиться, на работе полегче. Спасибо, Максим взял. И деньги всегда нужны. А ты как? Не работаешь?

– Нет, – помрачнев, коротко ответила Раиса Витальевна. – Занимаюсь домом. Всегда любила цветы, у нас целый сад. Внуков, как ты понимаешь, у меня нет.

– Это сколько же мы не виделись? – после паузы спросила Шура. – Лет семь? Восемь?

– Семь. С тех пор, как мы переехали в деревню и я бросила работу. В городе бываю редко, всех знакомых растеряла. Деревенская жизнь затягивает...

– А ваша городская квартира... – полувопрос повис в воздухе.

Раиса Витальевна пожала плечами и сказала неохотно:

– Стоит закрытая, сто лет там не была.

Что-то неприятное промелькнуло в ее голосе. Шура отвела взгляд. Женщины снова помолчали. Говорить было не о чем. Некая недоговоренность витала в воздухе, что мешало болтать о погоде, тряпках и старых знакомых. Шура чувствовала себя виноватой. Невольно обе посмотрели на танцующего Максима: Шура с досадой, Раиса Витальевна угрюмо. Хозяин танцевал с кошкой... Танцевал! Танцуют на балах. Максим и кошка выплясывали, забыв, что они не одни. Он кружил партнершу в диком танце, прижимал, опрокидывал, отталкивал и снова притягивал к себе, они улыбались друг дружке, сцепившись руками и взглядами, полные сума-

сшедшей чувственной энергии, и было ясно, что связывает их нечто большее, чем «офисные» отношения.

– Кто такая? – спросила Раиса Витальевна.

– Лена Антошко, новая стажерка.

– Стажерка?

– Начала с курьера, теперь учится на секретаршу. Делает карьеру. Настенька уходит в декрет и натаскивает смену, хотя... – Шура замолчала.

– Хотя?

Шура пожала плечами:

– Бойкая девица! У таких в голове не работа, а... – она махнула рукой. – Это только в кино секретарша вся из себя, подать начальнику кофе и все дела, а на самом деле работа ответственная. Я как-то две недели Настеньку замещала – света белого не видела, тут надо крутиться! Напомнить, составить графики, посчитать статистику, заказать билеты на самолет, столик в ресторане, оповестить, разослать, позвонить... Через две недели я сказала: все! Поверишь, скинула два кило. А тут ни образования, ни умения, нигде толком не работала, только и радости, что мордочка смазливая да глазками так и шныряет.

– Настю я помню, – сказала Раиса Витальевна, не подержав разговор о стажерке. – Хорошая девушка. Вышла замуж?

– Ага. Уже второго рождает. Серьезная, умница, заканчивает экономический. Вряд ли вернется... Хочешь еще вина?

Я принесу! Дернем за дружбу. Ох, Райка, я так рада, что ты пришла! С этим молодняком и поговорить не о чем. Я сейчас!

Шура вскочила и побежала к стойке импровизированного бара. Раиса Витальевна некоторое время смотрела ей вслед, потом перевела взгляд на Максима и девушку в костюме кошки... Как ее? Лена! Танец закончился, но эти двое все еще стояли посреди зала, держась за руки. Максим наклонился к уху девушки, что-то сказал, она кивнула и пошла от него, покачивая бедрами. Раиса Витальевна отвела взгляд...

– Давай, подруга, тяпнем! – Шура поставила на стол два полных фужера. – Помню, ты любишь красное? Или лучше шампанское?

– Нормально! – Раиса Витальевна взяла фужер.

– За нас! – сказала Шура.

Раиса Витальевна выпила залпом.

– Может, встретимся в городе? Посидим где-нибудь, поговорим, вспомним... – Шура хотела сказать «молодость», но осеклась и отставила недопитый фужер. – У тебя там хоть соседи приличные есть? Одной трудно, особенно зимой. Зимой цветы не растут...

Раиса Витальевна оживилась:

– У меня целая оранжерея, все цветет и зимой. Хочешь, приезжай в гости, Максима не будет неделю. Посмотришь, как я живу.

– Не будет?

– Командировка. Можешь даже остаться на пару дней, с работы отпустят?

– Договорюсь! Когда?

– Созвонимся. Я что-нибудь приготовлю, посмотрим кино, у меня много фильмов.

– Я привезу торт из «Кукушки», у них лучшие. Нам, де-вушкам, за фигуру можно не беспокоиться, мы в норме. – Она хлопнула себя по круглому животу и расхохоталась.

Раиса Витальевна бледно улыбнулась. В Шуре никогда не было ни коварства, ни подлости – простая свойская тетка! С ней всегда было легко. И обрадовалась она при виде старой подруги вполне искренне.

Раиса Витальевна давно не появлялась на офисных праздниках – неинтересно, нет настроения да и лень приводить себя в порядок. А тут вдруг взяла да приехала, и сейчас уже и не знала, надо ли было. Женский коллектив всегда горазд сплетничать, мало ли что выдумают! Но даже если правда... что она должна делать? Следить за ними, сидеть в засаде, выворачивать мужнины карманы, вламываться внезапно в городскую квартиру? Нет настроения, да и лень. Все та же лень. Макс – хороший муж, дарит цветы, соблюдает приличия. А та дрянь, сучка, чертова доброжелательница, которая позвонила и сказала, что он крутит на глазах всего коллектива и «смотрите, уведет, она молодая да ранняя, а он совсем голову потерял», на что рассчитывала? На скандал? Посмеяться захотела? Кто? Она испытующе взглянула на Шуру...

Она? Глупости! Шура не такая.

Они молча смотрели на поредевшую толпу – народ понемногу расходился. Раиса Витальевна поднялась, выискивая взглядом мужа. Шура подумала, что подруга постарела и перестала следить за собой – что значит без работы! Весь день можно проходить в ночной рубашке, да и краситься ни к чему. И платье неинтересное, а уж эти черные чулки... Завтра коллектив обсудит и перемоеет кости жене шефа. Девки злые, ничего не пропустят.

Раиса Витальевна подошла к кабинету мужа и услышала голоса и смех. Она оглянулась и прикинула к двери. Слов было не разобрать, но рокошующий довольный басок мужа и залиvistый женский смех не оставляли сомнений, что тем двоим хорошо. Не отдавая себе отчета, она нажала на ручку – дверь была заперта. Она отдернула руку и попятилась...

Глава 2. Друзья вспоминают минувшие дни...

*Однажды прежние места искать начнешь,
Надеждой прежнею себя ласкать начнешь
На встречу с юностью, с минувшими друзьями.
«Найдем! Ведь ждут они!» – ты сердцу лгать
начнешь.*

Омар Хайям. Однажды прежние места...

Глеб и Полина пришли первыми. Народу было уже прилично: ночной клуб «Белая сова» – место популярное, тем более сегодня запускалась новая программа, о чем говорили уже давно. Расторопный молодой человек проводил их к заказанному столику около сцены. Глеб попросил принести мохито для дамы и сто пятьдесят водки для себя.

– Опаздывать невежливо, – сказала Полина. – Кто он такой? Откуда взялся?

– Мой старинный дружбан и одноклассник, сто лет не виделись. Живет в Англии, устроил себе каникулы в родном городе. Столкнулись случайно, на бегу, обменялись телефонами, и вуаля! Он тебе понравится, вот увидишь.

Она смотрела на него с улыбкой. Изящная, похожая на синицу, черноволосая, с теплыми карими глазами, коротко

стриженная; в открытом черном платье на бретельках, с золотой монеткой на тонкой цепочке, она напоминала драгоценную статуэтку или куклу.

– Ты уверен, что он не забыл?

– Уверен. Он никогда не опаздывает, может, подвернул ногу или машина наехала. Шучу! Придет. Смотри, сколько народу! Виталя говорил, в программе заняты его ребята.

– Наши? Кто? – живо заинтересовалась Полина. – Тут можно неплохо заработать.

– Не знаю, увидишь. Я занес ему заявку на корпоратив, перекинулись парой слов и разбежались. Как дела, как жизнь, кто с кем.

– Что значит с кем?

– Виталя вроде опять разводится. Тебе, кстати, привет. Спросил, как там наша Польша, скучаем, ждем. Обозвал тебя блудной дочерью, а меня мартовским котом. Никогда не прощу, сказал, что ты увел у меня любимую приму...

– Да уж, Виталя скажет. А кто его новая?

Глеб пожал плечами.

– Не знаешь? Завтра же позвоню Ляльке, она всегда в курсе.

– Позвони. Не жалеешь, что ушла?

– Дверь открыта, всегда можно вернуться. Виталя примет. Они ставят Мольера, надо будет посмотреть. Мы с тобой никуда не выходим, одичали, серая жизнь...

– Серая? Сплошное веселье! Мне даже по ночам снятся

корпоративы. Гирлянды, толпа, визг, мордобой. Рвануть бы на недельку в деревню к тетке, она давно зовет. Рыбалка, парное молоко, грибы-ягоды...

– Парное молоко? Фу! Ты пьешь парное молоко?

– Я молока вообще не пью. Это для колорита. Я ее пять лет не видел, с тех пор как кузен женился. Был у них на свадьбе. Знаешь, есть места, где ничего не меняется. Вся деревня – одни родственники, все праздники вместе, гонят самогон, ходят в церковь, на свадьбе непременно драка.

– На свадьбе всегда драка.

– Да, верно, но городская драка какая-то злая, нутужная, а у них... – он задумался, Полина с улыбкой наблюдала. – ...а у них какая-то... опереточная, несерьезная. Фольклор, а не драка. Крику много, пара разбитых носов, драчунов разбирают, мирят и снова за стол. А какие они частушки поют! Собственного сочинения, я даже записал несколько. Но на бумаге они проигрывают, их нужно петь, причем в подпитии. Не пить, а вопить. Кроме того, масса местных ассоциаций, чужому не понять.

– О чем?

– Местная летопись. И чувство юмора. Потрясающий фольклорный юмор, разные словечки, архаика, особый говор. Все это уходит: землю скупают агрохолдинги, народ тянется в город. Села пустеют. Виталя купил хату в Сидневе, буквально за гроши, говорит, будет вывозить ребят на каникулы, почти задаром и по карману. Приглашал нас. Там и

речка есть.

– Села давно пустеют. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними... – заметила Полина. – Где же твой друг?

– Заждались? – раздалось у них над головой. – Извините, ребята, попали в пробку.

– Дениска! – Глеб поднялся; они обнялись, похлопывая друг друга по спине. Очень разные – Глеб светловолосый и коренастый, Денис смуглый и тонкий. Рядом стояла высокая девушка с длинными белыми волосами в красном платье, смотрела на них с улыбкой.

– Это Мария, моя англичанка! А это Глеб и... – Он не закончил фразы, уставившись на Полину.

– Мария! Очень приятно. А это Полина, моя муза и деловой партнер, – сказал Глеб. – Можно Поль. Садитесь, ребята.

– Ты на самом деле англичанка? – спросила Поль. – Настоящая?

– Да, я там родилась, – сказала Мария.

Голос у нее был низкий, чуть сипловатый, в том, как она растягивала слоги и строила фразы, в неуверенных ударениях чувствовалось что-то чужестранное. Внешность у нее была своеобразной – удлиненное лицо, тонкий нос и очень крупный рот. Минимум мимики, что делало ее лицо застывшим. Поль тотчас окрестила ее буратинкой.

– А ты... Поль, в каком смысле деловой партнер? Это не шутка? – спросил Денис, пристально глядя на девушку.

– Считаешь, я не могу быть деловым партнером? – в го-

лосе Поль слышался вызов. – Ты меня еще не знаешь!

Денис шутливо поднял руки: сдаюсь, мол, согласен, не знаю.

– Она у нас мозговой центр, – сказал Глеб, – а я так, рабочая лошадка, подай, принеси. Все время боюсь, что она меня выгонит. Характер, знаешь, какой! Обещай, что не выгонишь, при свидетелях, прямо сейчас!

– Могу, – сказала Поль. – А насчет обещаний... Мало ли что я обещаю, особенно мужикам.

Глеб рассмеялся и подмигнул Денису.

– А вы, Мария, кто? Дайте, угадаю! Модель! Так и вижу, как вы... э-э-э... как это? Де-фи-ли-руете вся в белом, волосы развеваются, а вокруг толпа...

– ...визжит и пускает слюни, – сказал Денис. – Угадал. Почти. Мария танцовщица.

– Экзотические танцы? – спросила Поль, и что-то было в ее голосе...

– Нет, я танцую в лондонском мюзик-холле, – сказала Мария. – Уже девять лет.

– Понятно. Значит, жуткая диета, водки и пива нельзя, пиццы нельзя, шоколада тоже, картошка фри под запретом, а можно только салат и морковку без соли, плюс гимнастика и тренировки... – Глеб скорчил гримасу. – Я бы не смог. Как ты выдерживаешь?

Девушка улыбнулась кончиками губ:

– Привыкла.

– Я помню, ты тоже танцевал, даже в кружке был, а на выпускном выдал вальс, все только рты пораскрывали! Представляете, девушки, грудь колесом, спина вогнутая, одной рукой держит барышню, другая за спиной... Поручик Ржевский! С Лидкой Семенченко, нашей первой красавицей. Точно! А потом вы исчезли...

– Интересно, – сказала Поль. – Так ты еще и танцуешь?

– Еще как! Он не рассказывал?

– Да ладно, когда это было! – Глеб махнул рукой. – Между прочим, я из-за нее и записался в кружок. Боялся признать-ся, чтобы не засмеяли. Но народ все равно узнал.

– Я никому! – сказал Денис. – Честное слово, это не я! Лидка разболтала. Где она сейчас?

– Здесь. Работает детским врачом, трое детишек. Толстая стала...

Они помолчали.

– А вы... Ты сказал, деловые партнеры. У вас бизнес? – спросила Мария.

– У нас ивент-агентство...

– Кто? – спросил Денис. – Что за зверь?

– Это шоу, я знаю! – воскликнула Мария. – Мой друг тоже имеет такой бизнес в Лодоне, делает фестивали и свадьбы. Приглашает меня, там хорошо платят.

– Вы устраиваете праздники? Я думал, ты инженер, учился же в политехе.

– И я думал, – сказал Глеб. – Не сложилось. Праздники

тоже интересно. Поль – актриса нашего молодежного, ушла на вольные хлеба, и мы с ней вместе уже два года. Творческая часть на ней, цифирь и налоги на мне.

– Вы богатые, – сказала Мария. – Это хороший бизнес. Люди хотят радости.

Глеб рассмеялся:

– Очень богатые! Аж страшно. А ты насовсем или на каникулы?

– Не знаю пока. Отцу надоело, хочет пожить для себя. Нашел себе подругу в Черногории, сидит там безвылазно. Говорит: зачем я тебя учил, бездельника, принимай дело моей жизни...

– Какое дело? – спросила Поль.

– Торговля, господа. Продукты. Сухое молоко, крупы, грибы, птица... и так далее.

– Какая проза!

– Именно. Но всегда есть выбор, компанию можно продать или сдать в аренду.

– Боишься, не потянешь?

– Самому интересно. Хочу попробовать, а там будет видно.

В центре зала топтались две пары. Некоторое время они наблюдали за ними, потом Денис сказал:

– Глебыч, не хочешь вспомнить молодость? Мария, покажи ему класс!

Глеб с улыбкой протянул руку Марии, она легко подня-

лась. Денис и Поль остались одни.

– Ну, здравствуй, Лина... Вот уж не ожидал! – Денис накрыл ладонью ее руку. Поль тотчас выдернула ее с враждебным лицом. – Ты не изменилась, такая же красивая...

Поль уставилась на него в упор:

– Если бы я знала, что это ты, я бы ни за что не пришла!

– Я виноват перед тобой, я знаю, но... Пойми и ты меня! Все казалось таким детским, ненастоящим, у тебя было много поклонников, я чувствовал, что проигрываю, тяжело-весный, неуклюжий... Я часто думал о тебе, честное слово, вспоминал...

– Ты подонок, свалил и даже не попрощался! Не позволил, не пришел... Просто исчез. Трус и подонок! – В ее голосе звенела ненависть; на них стали оглядываться с соседних столиков.

– Лина, успокойся, давай поговорим. Я не думал... Я собирался позвонить, честное слово...

– Ты собирался? Хоть сейчас не ври! За семь лет ни звонка, ни строчки... Ты просто вычеркнул меня из своей жизни!

– Я должен был уехать, собрался буквально за пару часов...

– Пожар?

– У отца были неприятности, он боялся за меня...

– Это из какого сериала? За тобой гнались мафиози, и ты соскочил, не попрощавшись с любимой девушкой! Ушел в подполье! Имя тоже поменял?

– Лина, нам нужно поговорить...

– Мне не нужно. Забуди, что мы были знакомы. Если ты хоть словом заикнешься Глебу... Имей в виду! Признайся честно, ты не собирался возвращаться! Ты стряхнул пыль, отрезал ту жизнь, меня...

Она хлестала его словами, не желая ничего слушать, выплескивая горечь и обиду, чувствуя, что ничего не забылось, высказывая то, что приготовила давно и много раз репетировала, лежа без сна, мечтая... Нет, страстно желая, чтобы они когда-нибудь столкнулись, и тогда она бросит ему в лицо... или нет, выцарапает бессовестные зенки, укусит, толкнет под машину или с моста. А теперь он сидит рядом и жалко оправдывается. Сбылась мечта? Роль отыграна? Стало легче? Можно жить дальше?

Стало еще гаже. Владелец крупной компании, подруга – дорогая танцовщица из мюзик-холла, вся из себя, хоть и уродина... Но даже в ее уродстве чувствуется класс, а Глеб некстати расхвастался копеечным бизнесом. И она на подтанцовках, несостоявшаяся актриса! То, чем она гордилась – как же, начали с нуля, встали на ноги, работа интересная, можно сказать, творческая, да и деньги пошли, – сейчас представилось жалким и натужным. Угораздило же Глеба столкнуться с... этим! Она своих соседей по лестничной площадке видит раз в пятилетку, а тут не успел вернуться и нате вам! Друг детства, одноклассник... черт бы тебя подрал, Денис! Испортить мне жизнь во второй раз я тебе не

позволю. Так и знай.

Испортить жизнь? Не громко ли сказано? Но сейчас ей казалось, что именно так, а теперь как ни в чем не бывало появился с... этой!

...Глеб усадил Марию и поцеловал ей руку. Она вспыхнула. Он воскликнул: – Мария фантастически танцует! Легкая, подвижная... Спасибо!

Впервые лицо девушки оживилось, она широко улыбалась. Внешность у нее, как было замечено выше... как бы это выразиться... спорная. Нет, скажем, необычная! Большой рот, острый нос, узкое лицо – да, но сейчас, когда она смотрела на них сияющими глазами, с пятнами румянца на скулах, то казалась красавицей. Возможно, ей не хватало живости. Уродливая красавица. Глеб подмигнул Денису, тот вымученно улыбнулся и кивнул: да, согласен, танцует классно. Поль не сказала ничего; она сидела с опущенными глазами, рука мяла салфетку.

– Поль тоже неплохо танцует, – сказал Глеб, почуяв ее настроение и отнеся его на счет ревности.

«Тоже неплохо танцует»! «Тоже» и «неплохо». Неудачная фраза. Поль раздула ноздри. Та еще штучка, характерец, как уже упоминалось, сложный. Может выкинуть что угодно – нагрубить или вообще встать и уйти. Тем и хорош их союз: он, Глеб, трезвость, расчет и осторожность, она – страсть, буйная фантазия и прыжки очертя голову. Тигрица!

– Пойдем? – Денис протянул ей руку.

– Я не танцую. – Голос неприятный, взгляд жесткий, в упор.

Пауза. Глеб ругал себя за то, что вызвал ревность Поль – так ему казалось; Денис в замешательстве не знал, что сказать; похоже, одна Мария радовалась, не замечая искрящей напряженности и сгустившихся туч.

Тут им принесли заказ, и обстановка стала понемногу разряжаться. Семга под белым соусом, овощи гриль и белое вино. Все по рекомендации Глеба, который здесь свой человек – кооперируется с «Совой» в устройстве праздников, досконально знает их кухню и напитки.

– У вас красивый город, – сказала Мария. – Денис показал мне пушки в парке и церковь. И река красивая. В ней можно купаться? В нашей Темзе нельзя.

– В нашей можно, – заверил Глеб. – Полно пляжей. Город исторический, старинный, спокойный. Может, останешься? Правда, после Лондона скучноватый.

– И мюзик-холла у нас нет, – добавила Поль.

– Я, наверное, скоро уйду, старая уже, – Мария улыбнулась. – Буду кушать картошку-фри, пить пиво и стану толстая. Рожу детей. Денис хочет троих, да? – Она кивнула Денису. – Два мальчика и одна девочка. А вы не хотите детей?

– Хотим! – рассмеялся Глеб. – Правда, Поль?

Поль дернула плечом и промолчала.

– Давайте за дружбу! – Денис поднял бокал.

И так далее, и тому подобное...

Что-то не «плясало» – Поль была то мрачной и молчаливой, то вдруг вызывающе веселой; Мария больше молчала, улыбалась неопределенно, взглядывая поочередно на каждого из них. Как-то так получилось, что застолье превратилось в театр двух персонажей – Глеба и Дениса, а девушки ушли в тень. Молодые люди вспоминали школу, учителей, школьные проказы, девочек, за которыми бегали, то, какими они были... прекраснoдушными идеалистами, готовыми перевернуть мир и добавить ему красок.

Поль вдруг сказала, что устала и хочет домой. Мария ее поддержала, заметив, что у нее строгий режим и она должна спать девять часов.

Они расстались на площади. Денис и Мария пошли вниз к Мегацентру, Глеб и Поль – к Молодежному театру. Поль молчала, Глеб после пары попыток разговорить ее тоже замолчал.

– Ты никогда не упоминал о своем друге, – вдруг сказала она.

– Мы не были близки. Не друзья, а скорее приятели. Денис из высшей лиги, а я... Мой отец был военным, всю жизнь по казармам, ты же знаешь. Но он был не карикатурным мажором, а нормальным парнем, добродушным, с чувством юмора. Хорошо учился. В чем дело, Поль? Ты какая-то скучная весь вечер...

– Устала, – коротко ответила Поль. – А как тебе Мария? Думаешь, у них серьезно?

Глеб рассмеялся:

– Страшненькая, но что-то есть. Танцует классно. Понятия не имею. Она говорила о детях, наверное, серьезно. А у нас серьезно? – Он прижал ее к себе: – Я соскучился! Ты у меня красавица! Самая красивая в зале, Денис с тебя взгляда не сводил. Смотри, заревную.

– Я устала, – снова повторила Польша. – Слишком много в моей жизни веселья...

– Сейчас я тебя расшевелю! – пообещал Глеб. – Хочешь, возьмем отпуск? И махнем куда-нибудь... на Мальдивы! Или в Таиланд. Можем их позвать, если захочешь.

– Глебушка, иди домой, ладно? – невпопад ответила Польша. – Я правда устала, а завтра куча дел, с самого утра. Не обидишься?

– Еще как! Ладно, беги, но помни, что я тебя очень люблю. Послушай... ты что, ревнуешь? – вдруг спросил Глеб. – Глупая! Марии до тебя...

– Не говори глупости! – резко бросила Польша и скрылась в подъезде.

Озадаченный Глеб постоял во дворе, пока не зажглись ее окна, а потом неторопливо пошел со двора...

Глава 3. Декабрь из мрачных туч дождями сыплет...

*Декабрьский день в моей оконной раме.
Не просветлев, темнеет небосклон.
Торчат, как мётлы, ветви за домами.
Забитый снегом, одичал балкон.*

С. Маршак. Декабрьский день...

Двенадцатого декабря погода испортилась окончательно – серенькое межвременье сменилось снегом с дождем и штормовым ветром. Настоящая честная декабрьская погода плюс отсутствие солнца, короткий день, беспросветный мрак и всеобщая депрессия. Не забыть про букет вирусов, красные хлюпающие носы, чих и сопение, недовольство собой и желание начистить кому-нибудь физиономию или хотя бы наговорить гадостей.

И главное, всегда одно и то же, прямо мистика. В день рождения Савелия Зотова, двенадцатого декабря, выпадает наигнуснейшая за всю зиму погода! Давно замечено. Даже не верится, что Стрелец, уж скорее что-нибудь поближе к воде, Рыбы или Рак. Но тут уж ничего не поделаешь. Причем, что обидно – одиннадцатого – вполне терпимо, блеклое вялое солнце, редкие снежинки и полный штиль, тринадцатого

примерно то же самое, а вот двенадцатого – катаклизм! Если бы в нашем городе был спящий вулкан, то, честное слово, каждый год двенадцатого декабря он радовал бы нас бурным извержением, потоками лавы, тучами пепла и подземным ревом. К счастью, вулкана у нас нет, а там, где он есть, нет Савелия Зотова. Так что мир может с облегчением выдохнуть и продолжать существовать в состоянии хрупкого равновесия.

Обычно Савелий Зотов приходит на точку первым, минут за двадцать до назначенного времени. Такой у него бзик, вполне невинный – он страшно боится опоздать и причинить неудобства. Савелий деликатный и мягкий человек, кабинетная крыса, как называет его капитан Коля Астахов, начитавшаяся «бабских» книжек... крыса, в смысле. Он редактор местного издательства «Ар-нуво», причем в отделе дамской литературы. Его хлеб – всякие мелодрамы, детективы, любовь и все такое. Капитан Астахов, человек прямолинейный, военный, как-то заметил, что эту лабуду он не стал бы читать даже в одиночной камере. Правильно сказал, не для него сочиняется.

Да, так о чем мы? О Савелии. Приходит, значит, он первым, садится за «отрядный» столик и, волнуясь, не сводит взгляда с входной двери, полный опасений, как бы с ними не случилось чего. Они – друзья Савелия: упомянутый выше бравый капитан Коля Астахов и профессор философии Федор Алексеев. А их «точка» сбора – культовый бар «Тутси», местная достопримечательность, а также излюбленное место

всей троицы. Бар «Тутси» и хозяин его, добрый старый Митрич с длинными седыми усами, похожий на моржа или спящего сома – вечно за стойкой бара, с полотенцем через плечо. Кто в городе не знает Митрича и его бара! Плавает себе неторопливо за стойкой на фоне разноцветных бутылок, над головой мигает и бормочет плазма, полумрак, уют, посетители – свои люди. А по воскресеньям – песни под гитару в исполнении приятной девушки. Не визгливая попса-однодневка, а старинные романсы, которые будят в человеке ностальгию по чему-то, что то ли было, то ли не было, и вызывают желание помириться с подлючим соседом с дрелью или обнять весь мир.

Каждый год двенадцатого декабря вся троица собирается отметить день рождения Савелия. Савелий – Стрелец по гороскопу... как ни странно. Не боец он, и не стрелец. Но день рождения не выбирают. Родился, и никуда не денешься. Согласно остроумному плану капитана Астахова, время сходимки Савелию сообщили с получасовой разницей, чтобы собраться самим, обсудить подарок и тосты и встретить Савелия уже во всеоружии – за накрытым столом. Савелий, конечно, испугается, что опоздал, схватится за сердце, а они ему: сюрприз! Хэппи бездэй ту ю, как говорят.

Федор Алексеев пришел первым. Сбросил на руки шустрому мальчонке шикарный белый плащ до пят, шляпу положил на стул рядом с собой, не доверив гардеробной. Шляпа Федора Алексеева! Кто не знает его большой черной ши-

рокополой шляпы? Федоровы учни прекрасно знают – однажды они надели ее на Коперника, чей бюст стоит в вестибюле университета, наделали фоток и выложили в Интернет. Дня три универ гудел в полном отпаде, на Федора бегали смотреть «чужие» студенты, завидуя до зеленых соплей – он фигура популярная. Красавец, гусар, умница... а чувство юмора? Так отбреет, не обрадуешься. Но всегда можно договориться – гуманист и либерал. Великий детектив, между прочим, опера против него слепые котята, что запечатлено в легендах, анналах, анекдотах и фейковых интервью. Придворный летописец Леня Лаптев собаку съел на освещении жизни любимого препода, донося до аудитории душераздирающие истории про повязанных им убийц, маньяков и разбойников. А драки! Да, да, они также в программе, куда ж без хорошей зубодробительной драки! Бывает, приходит профессор Федор Алексеев на занятия в черных очках, и все понимают: была операция по задержанию ООПа – особо опасно преступника. Разумеется, имеют место всякие сопутствующие мелочи: засада, перестрелка, погоня... А кто выследил, вычислил и задержал? То-то. И разумеется, драка – это святое! Боевые раны, синяк под глазом, разбитые косточки рук, что добавляет мужественные штрихи к портрету философа. Кстати, как доказал экспериментально некий американский ученый, повреждения будут сильнее, если бить не открытой рукой, а кулаком. То есть эволюционные преобразования человеческой руки и хомо сапиенса в целом совершались из

необходимости всё время драться. А вот обезьяна, например, не умеет сложить руку в кулак, и результат, как говорится, налицо.

Философия, чувство юмора, жизненный опыт, дедукция вкуче с серыми клеточками и умение драться – убойная сила. И при всем при этом манеры наследного принца... Ну вот как это все сочетается в одном человеке? Загадка.

Учни подражают: половина в широкополых шляпах и черно-зеленых длинных шарфах в три слоя вокруг шеи; девушки поголовно влюблены и восхищаются. Причем «девушки» почтенного возраста: профессура, аспирантки, ассистентки, – не исключение. Капитан Астахов говорит, что Федор похож на жулика и афериста... Что-что? Это как? В каком смысле? В прямом. Никто поймать не может. А уж как стараются! А он всем улыбается, говорит комплименты, трогает за плечико, выслушивает, дает советы, приглашает на кофе, доводит до таяния и... ничего! Причем никаких претензий, одно обожание и вздохи больной коровы. Не универ, а пижонский фан-клуб. Нарвешься на своего, говорит капитан Астахов, ох, нарвешься! На свою, в смысле.

Капитан Астахов... пессимист, пожалуй, и скептик. В силу профессии. Работать в полиции и быть оптимистом? Не смешите. Капитан любит каркать и бывает, накаркивает: я же говорил! И торжество во взгляде. Федор Алексеев когда-то тоже был капитаном, но потом сменил военный мундир на академическую тогу, образно выражаясь. После долгих ко-

лебаний выбрал науку. Соскочил, но старые дрожжи бродят, и случись в городе что-нибудь из ряда вон, ставящее в тупик следственные органы, Федор тут как тут: вникает и начинает «отрабатывать» версии, одна другой... как бы это поделikatнее? Страннее! Капитан Астахов выражается более определенно – идиотские. А Федор сразу же проверяет их на Савелии. Савелий – его лакмусовая бумажка. Тот ничего не понимает, но честно задает вопросы... довольно... э-э-э... дурацкие, ладно, чего уж там. Вернее, не то, чтобы дурацкие, просто у Савелия свое видение, сдобренное тысячами прочитанных дамских романов. Федор объясняет ему раз, другой, а потом вдруг бац! Свет в конце туннеля! И расцветает ярким цветом новая прекрасная версия, от которой капитан Астахов хватается за голову и кричит что-то насчет мутной философии, которой они его достали. А тут еще Савелий подливает масла в огонь и выступает с воспоминаниями о читаной книжке... «Помню, читал в одном романе, – начинает он, запинаясь, – и там тоже... э-э-э... это самое и очень похоже». Савелий прекрасный человек, но никудышный оратор. Капитан смотрит на Федора, тот после минутного раздумья начинает толковать слова Савелия, обзывая его Дельфийским оракулом. Обалдевший капитан кивает Митричу, и тот спешит к любимым клиентам с новой порцией пива, а то и чего покрепче.

Ладно, к черту лирику. Итак, Федор Алексеев уже на точке, любимая шляпа рядом на стуле, на столе – большая ко-

робка, завернутая в красную упаковочную бумагу, а наверху прилеплена такая же розочка. Подарок для Савелия. Капитан в силу занятости и отсутствия образного мышления доверил покупку Федору. После некоторого раздумья сказал, что подарок – вопрос философский, особенно когда дело касается Савелия... Одним словом, удиви нас, Федя. Ладно, сказал Федор и пошел покупать.

Между прочим, в прошлый день рождения капитан подарил Савелию пистолет-зажигалку в натуральную величину. Тот при виде подарка растерялся, струхнул и пролепетал, что не умеет стрелять. Научим, пообещал капитан, и лицензию выправим, будешь носить в кармане, от бандюков отстреливаться. На Савелия было жалко смотреть. Федор, сжалившись, объяснил ему, что это всего-навсего зажигалка, и тот едва не зарыдал от облегчения и радости, несмотря на то что не курит.

Капитан, как всегда, опаздывает. Работа у него такая – рабочий день ненормированный, покоя ни днем, ни ночью. Федор приходит тютелька в тютельку – академическая выучка, не иначе. Хотя он, скорее всего, уродился таким, тут вопрос скорее генетики.

Митрич присел за столик, поинтересовался, что за подарок. Федор ответил, что пока тайна, но можно попытаться угадать. Митрич задумался, пожал плечами, нерешительно предположил: книги? Папка для бумаг? Чернильный прибор? Федор только качал головой и улыбался.

– Я тоже хочу сделать ему подарок, – сказал наконец Митрич. – Шампанское или коньяк? Как по-твоему, Федя?

– Конечно, коньяк! – решительно заявил выросший у них за спинами капитан Астахов. – Без вопросов.

– Разве Савелий пьет коньяк? – усомнился Митрич. – Может, все-таки шампанское?

– При чем тут Савелий? Он вообще ничего кроме сока не пьет. Значит, коньяк и бутылку сока. Яблочного. Добрый вечер, господа! Ну и погода! Как ты можешь в этом абажуре? – кивнул капитан на шляпу Федора. – Ветром не сдувает? Савелий не звонил? Вдруг погоды испугался!

– Придет. – Тот посмотрел на часы. – Через пять минут.

– Это подарок? – капитан приподнял коробку, подержал в руках, определяя вес. – Тяжелая. Неужели книги? Или... альбом! Федор?

– Версия ошибочна. Напрягись, капитан.

– Митрич, ты уже знаешь?

Тот покачал головой. Капитан снова поднял коробку и потряс.

– Тарахтит, – сказал. – Ваза? Кубок? Чашки? Вилки? Сервиз?

– Холодно!

– Интересно, Савелий догадается или нет, – капитан поставил коробку на стол. – Из какой области?

– Савелий! – воскликнул Митрич. – Ребята, он пришел! С днем рождения, Савелий!

– Я опоздал? – испугался тот.

– Ты вовремя, это мы раньше, – сказал капитан. – Замерз? Философ сказал, что ты не придешь из-за погоды. Садись, Савелий, сейчас согреемся за твоё здоровье.

– Это тебе, – Федор протянул имениннику коробку.

– Мне? Спасибо! – обрадованный Савелий принял подарок; лицо его горело от снега и ветра, пегие прядки упали на лоб, он неуверенно улыбался. Не красавец, но очень хороший человек. – А что это?

– Никто не знает, – сказал капитан. – Сюрприз. Не томи, Савелий, открывай!

Савелий осторожно отлепил розочку и принялся неуклюже разворачивать обертку. Капитан и Митрич, вытянув шеи, стояли рядом. Федор сидел, ухмыляясь. Было тихо, только шуршание бумаги нарушало тишину, перекрывая бормотание плазмы. Наконец обертка была снята, и их глазам предстала белая коробочка, заклеенная скотчем. Митрич протянул Савелию перочинный ножик, и тот с треском вспорол липкую ленту. Раскрыл коробку и замер, приоткрыв рот. На его лице появилось недоуменное выражение.

– Это же... офигеть! – капитан Астахов заглянул внутрь и поднял глаза на Федора. – Ну ты даешь, философ!

Савелий один за другим вытащил из коробочки гигантских размеров и невероятной красоты сверкающие сине-белые ботинки на роликах. Вид у него был озадаченный.

– Ты же собирался учиться, – сказал Федор. – Сам гово-

рил, что Настенька и Герман умеют, а ты только бегаешь следом. Теперь будете кататься всей семьей.

– Федор, ты чего? Он же убьется! – Капитан хотел добавить, что Савелий на роликах как корова на льду, но прикусил язык.

– Надо делать над собой усилия, – сказал Федор. – Могу дать первые уроки. Как, Савелий?

– Ты умеешь на роликах? – удивился Митрич. – Не знал.

– Умею. Хочешь с нами? Как только перестанет дождь, можем начать.

– Ага, в тулупе оно и падать мягче, – сказал капитан. – Савелий, посмотри, чек есть? Можно обменять. Савелий! – Он пощелкал пальцами перед лицом друга. – Очнись! Федя пошутил. Завтра пойдешь в «Спортовары», обменяешь на палатку и сразу дунем на Магистерское озеро.

– Нет! – взволнованно произнес Савелий, прижимая к груди ботинки. Казалось, он сейчас расплчется. – Спасибо! Я давно хотел, только боялся, что засмеют... У нас в парке ребята гоняют, мне всегда завидно... Спасибо! Сам бы я никогда... честное слово!

– В смысле? Неужели ты собираешься... Я против! – заявил капитан. – Слышишь, Савелий?

– Ну что ты, Коля! Я давно мечтал, только боялся, что засмеют. – Савелий смотрел на них сияющими глазами. – Я бы никогда не решился, честное слово! Спасибо, ребята!

– Имей в виду, философ, в случае чего, с тебя спросит-

ся. – Капитан хотел добавить про детишек-сирот на совести Федора, но снова прикусил язык, чтобы не портить настроение окончательно. – Ладно, удачи тебе, Савелий, и здоровья. Митрич, где твой подарок?

– Сейчас! – встрепнулся тот и побежал за угощением.

– На свой день рождения подарок выбираю сам, – сказал капитан. – Всем понятно?

– А что ты выберешь? – спросил Савелий.

– Электрочайник с пультом, – предположил Федор. – Чтобы лишний раз не вставать.

– А разве такие есть?

– Капитан найдет.

– Может, хватит? – сказал Коля. – Развели тут... Митрич!

Митрич поставил на стол литровую бутылку «Martell» и сказал прочувственно:

– С днем рождения, Савелий! Здоровья, радости и оптимизма!

– Вот это подарок! – похвалил капитан. – А имениннику?

– Есть! – Митрич достал из торбы бутылку шампанского. – Вот! Английский марочный сидр, специально для Савелия. «Морозный Джек» называется.

– Марочный сидр? – не поверил капитан. – Ни фиги себе!

– Спасибо, Митрич! – обрадовался Савелий. – Я люблю яблоки. Присядешь с нами?

– А как же! – Митрич принялся споро разгружать тележку; на столе появились тарелки с салатами, рыбой и мясом.

А в центре «фирмовые Митрича» – бутерброды с копченой колбасой и маринованным огурчиком. Сегодня он добавил туда листья салата и петрушку.

Капитан потянулся за коньяком, разлил по рюмкам:

– За тебя, Савелий! Раста большой!

– Савелий, всех благ!

– За Савелия и нашу дружбу! – сказал Митрич. – Я люблю вас, ребята!

Они выпили. Коля одним махом, Федор и Митрич – смакуя; Савелий – страшно сморщившись.

– Фирмовые Митрича! – Коля отправил в рот половину бутерброда. – Что бы мы без тебя делали, а?

– Да ладно, ребята, – смутился Митрич, утирая разгоряченное лицо полотенцем. – Я всегда вам рад!

Словом, все катилось по накатанной, все хвалили друг друга, а особенно Савелия, который многодетный отец и прекрасный муж. Федор вспоминал, что Савелий отбил у него девушку, чего он никогда ему не забудет, Савелий багровел и сбивчиво оправдывался; капитан подтрунивал над обоими; Митрич бегал туда-сюда со своей дребезжащей тележкой, которую Федор называл колесницей Джаггернаута. Они любили друг друга, такие разные и непохожие...

– Если бы не ты, Савелий, хоть вешайся, – сказал капитан. – Самый паршивый месяц в году, народ уже начал отмечать заранее, холод собачий, не хочешь, а приходится, и морды вокруг... зла не хватает! Так бы и вломил через одного.

Угораздило же тебя, Савелий, родиться! Ни солнца, ни света, один мрак. Если бы не твоя днюха и Митрич... не знаю! Эх, сейчас бы на лыжах на Магистерское, да костерок, да мясо запечь с картошкой...

– Сейчас? А дождь? – сказал Савелий. – И снега нет...

– То-то и оно, – сказал капитан. – Народ без мороза с ума сходит. Тут у нас открылся азиатский ресторан, где жрут кузнечиков и майских жуков, причем за бешеные бабки. Митрич, ты не собираешься жарить майских жуков?

– Там не только жуки, а еще и личинки... знаете, толстые такие? Говорят, очень калорийные, деликатес. Сын мамочкиной подруги с женой там были, их знакомый китаец пригласил, говорят, чего только нет, даже скорпионы и мучные черви!

– Они ели скорпиона? – фыркнул капитан.

– Он попробовал, а жена не смогла, ее прямо там...

– Ясно! – сказал Федор. – Давайте за дружбу!

Тост не вызвал возражений, и они выпили.

– Что нового на криминальном фронте? – спросил Федор.

Капитан пожал плечами:

– Как обычно. Бытовуха. Алкаши. Проблемные подростки. К Новому году обстановка оживится. Сейчас у народа нет настроения... отчеты, то, се. Погода не радует, опять-таки.

– Коля, ты такой пессимист, – заметил Савелий. – Нужно видеть позитив и не думать о плохом.

Капитан только головой покрутил.

– Если все время думать о плохом, то накличешь, – развивал тему Савелий. – Экстрасенсы считают, что мы сами виноваты в своих несчастьях. Я недавно читал одну книгу, там автор учит технике выхода из депрессии и избавлению от дурных мыслей. Могу дать почитать...

– Давайте лучше за Новый год, – сказал капитан. – Чтобы спокойно пережить конец года, плавно переползти в новый и спокойно отгулять январь. А там уже день прибавится, весна на подходе и можно в парк на роликах.

– А на Магистерское? – спросил Федор. – На пару дней в январе? Обещают морозы. Митрич, хочешь с нами?

– Ну... в принципе я не против. А ночевать где?

– На улице, у костра. Там есть развалюха, но внутри я бы не рискнул, может в любой момент рухнуть. Навалит снега на крышу, она и того. А у костра романтика! Звезды, северное сияние...

– Разве у нас есть северное сияние?

– Митрич, может, оно не северное, но что-то было! – сказал капитан. – Лично видел. Федор пошел первым, а мы с Савелием заблудились. Вот тут-то оно и полыхнуло! Зеленым, вполнеба! И что самое интересное – в городе никто ни сном ни духом. Помнишь, Савелий? Я даже сфоткал на телефон, правда, ни фиги не разобрать. Никто не верит.

– А рыбу там можно ловить?

– Можно! Только там отродясь никто ничего не поймал. Сидят для нервов и расслабухи. Мы с собой берем. А что,

господа? Почему бы нам и в самом деле, а? Жизнь коротка, надо хватать, что можешь! Давайте на Рождество!

Они еще долго обсуждали план вылазки на природу, кто что берет с собой и за что отвечает – главное, чтобы хватило.

– А если не будет снега? – спрашивал осторожный и сомневающийся Савелий.

– Как это не будет? – отвечал капитан. – Хоть раз за всю зиму должен выпасть, вот тогда и рванем. Как Федя говорит, хватай... что там нужно хватать? Как древние греки говорили.

– Карпе дием, – подсказал Федор. – Хватай день! Римляне, а не греки.

– Точно. Так что, тебе, Савелий, чистый резон сменить ботинки на палатку.

И так далее, и тому подобное. Они хорошо сидели. И что самое примечательное, ни разу не дернулся капитанов мобильный телефон, не позвал его ни на убийство, ни на ограбление банка!

Глава 4. А что дальше?

*Память, это бич небесный,
Память, это окрик судный
Для не веривших в Судьбу,
Лик Владельца дней заемных,
Вид улик в игре бесчестной...*

К. Бальмонт. Память

Поль переступила порог квартиры, заперла дверь и, не раздеваясь, присела на край тумбочки. Расстегнула шубку, стащила шарфик да так и застыла, держа его в руке. Она совершенно забыла, что должна подойти к окну и помахать Глебу – такой у них ритуал, когда она ночует у себя: все, мол, в порядке, я дома. Повернув голову, она увидела себя в зеркале и не узнала – оттуда на нее смотрела чужая женщина, угрюмая, растерянная, несчастная. Она поправила волосы, выпятила губы, приподняла бровь... Ну же! Приди в себя! Или сделай вид, ты же актриса! Держишь паузу и делаешь лицо. Угораздило же ее... их столкнуться! Зачем? Денис снова вошел в ее жизнь... Ах! Как звучит: он снова вошел в ее жизнь! К черту пафос! Он не вошел в твою жизнь, а пересекся с тобой, это большая разница. Какое унижение... Глеб, хвастающий мелким бизнесом, миллионер Денис и эта... Поль сжала кулаки. Эта уродина в запредельном платье и

бриллиантах! Подарок Дениса? На танцах много не заработаешь. Она сказала, что бросает свой мюзик-холл – возраст и о детях мечтают. Они с Денисом хотят троих детей. Получается, женаты? Или пока нет? Собираются? Он привез ее сюда... зачем?

Как мало нужно, чтобы рухнула самооценка! Потускнело платье, с такой любовью выбранное в Мегацентре, баснословно дорогое, и серьги с крошечными бриллиантиками... Зачем он ее привез? Надеется, что она сможет здесь жить? Не сможет! Она привыкла к Европе... Значит, они не собираются здесь оставаться, пришло ей в голову. Они скоро уедут, и она может вообще с ним больше не встретиться. Ну и пусть! А его бизнес? Он сказал, что можно сдать в аренду или продать.

Да что с тобой, спрашивала она себя. Ты же забыла его, он не был тебе нужен, вы даже не встречались толком, так, пару недель всего. У тебя были получше – шумные веселые заводные ребята из богемной тусовки, свои, родные, твоего круга, а он... Спокойный, немногословный, с постоянной полуулыбкой, которая так раздражала, он не умел отвечать на ее колкости, не лез в драку и терпел приколы друзей, которые лепили на него обидные клички и издевались как могли. Бонза, туз, олигофрен, денежный мешок... А он не протестовал. Почему он не протестовал? Из-за нее? За ней бегало полтеатра, сам Виталя Вербицкий... А она, дура, думала, так будет всегда. Прима, дива... Виталя за всеми бегал,

никого не пропустил, это только она думала, что особенная. Актерский психотип – вызывать восхищение, попирать ногами поклонников, говорить всем гадости и колкости, блистать...

А потом она его бросила. Причем не сказала прямо: так и так, мол, извини-подвинься – а играла, как кошка с мышкой... Он часами торчал под ее домом, обрывал телефон, оставлял записки в почтовом ящике. Тетка говорила: дура ты, Полина, он порядочный парень, и богатый, не то что твои свистульки, смотри, пробросаешься, локти кусать будешь, да поздно. А она смеялась, считая тетку старой дурой и занудой.

Она вспомнила о нем потом, когда осталась одна... Вот тогда, лежа без сна, она вспоминала, как он покорно ждал у ее дома, как смотрел на нее, как сносил издевки... Вспоминала и злилась – почему он не был решительней, не увел ее, не стукнул кулаком по столу и не потребовал...

Поль вздрогнула от звонка в дверь и замерла, прислушалась. Сердце бешено колотилось, она прижала руку к груди и невольно сглотнула. На миг ей стало страшно... Только на миг, а потом захлестнула радость и торжество: он пришел! Она знала! Она чувствовала...

Поль вскочила, бросилась к двери; щелкнул замок, дверь распахнулась.

Денис шагнул через порог:
– Пустишь?

Понимая краешком сознания, что нужно сыграть, удивиться, сказать что-нибудь колкое и остроумное, сделать вид... Вот оно! Сделать вид. Всю жизнь она играет и делает вид. Момент для колкости был упущен, она попятилась, выронив шарфик. Денис нагнулся и поднял, протянул ей. Руки их соприкоснулись... ах! Он прижал Польшу к себе, сдавил так, что она вскрикнула. У него были холодные губы, и пахло от него холодом. На воротнике блестели капельки растаявшего снега – она почувствовала их щекой. Они целовались, как последний раз в жизни, не в силах оторваться друг от дружки; синий шарфик снова упал, но они этого не заметили...

Они сидели на диване, держась за руки. Денис улыбался, глядя на Польшу.

– Ты не изменилась, такая же красивая... Еще красивее. Я часто думал о тебе, вспоминал...

– Ты даже не зашел попрощаться!

– Я заходил, говорил с Клавдией Семеновной... она не передавала?

– Ты приходил? – Польша удивилась. – Тетя не сказала...

– Она плакала и говорила, что беспокоится за тебя, пила лекарство. Я хотел вызвать «Скорую», но она отказалась. Мы посидели, ей стало лучше, и я ушел. Как сейчас помню: было одиннадцатое декабря, семь лет назад.

Польша вдруг вспомнила, что однажды в середине декабря она три дня не ночевала дома, их компания загуляла, отмечая премьеру, и она снова была с Виталей Вербицким... или

думала так. Семь лет назад. Она вспыхнула и пробормотала, что тетка, видимо, забыла.

– Тетя умерла пять лет назад, а перед смертью перестала разговаривать. Целый год молчала... Представляешь?

– Перестала разговаривать? Из-за болезни?

– Нет. Объявила: сказала все, что хотела, и замолчала. Знаешь, мне стало легче – мы с ней не очень ладили. Она воспитывала меня, зудела, профессию актрисы она считала чем-то неприличным...

Они помолчали.

– Почему ты ушла из театра? – спросил Денис. – Я смотрел все твои спектакли, это было твое.

Поль пожала плечами:

– Не знаю. Поняла, должно быть, что актриса из меня никудышная. Ни одной серьезной роли, один балаган... и я ушла. Выросла, наверное. Переболела, как корью. В театральный поступила случайно – подружка подбила. Самое интересное, что она провалила вступительные.

Она ушла, когда Виталя окончательно ее бросил и увлекся новенькой... нимфеткой. Ей тогда пришлось подвинуться, и коллеги отыгрались на ней за звездные роли, острый язычок и прошлые насмешки. Королева умерла, да здравствует королева! Она не стерпела и ушла. Преподавала мастерство в театральной студии, имела дело с неуклюжими девчонками, которые хотели стать моделями, пыталась научить их ходить, стоять, говорить, а потом плюнула и тоже ушла. Устроилась

администратором во Дворец культуры, не сработалась с директором, который стал тянуть к ней липкие лапы...

А потом познакомилась с Глебом. Вернее, он сам с ней познакомился. Искал делового партнера для «агентства радости», как он называл свою контору. «Радостный» бизнес был для него рискованным предприятием, так как по складу характера Глеб кабинетная душа, ему удобнее с цифрами, чем с людьми. Кроме того, из связей в богемных кругах у него один Виталя Вербицкий, с которым они росли в одном дворе – он-то и предложил ему заняться корпоративами и подсказал про Польшу, которая мечется в поиске себя.

Глеб пришел к ней с деловым предложением, сослался на Вербицкого и сказал: «Я уверен, у тебя получится, ты боец!», и она поняла, что Виталя выдал ей ту еще характеристику. Самым любимым ругательством у него было «актрисулька самодеятельности», которое он лепил на всех подряд. Никто не обижался – Виталя был режиссером от бога. Он ни разу не обозвал ее в лицо, но она представила себе, что именно так он и сказал Глебу: мол, актрисулька из нее никакая, на уровне самодеятельности, но сильно шустрая. Скорее всего, это было иначе, но... Она вдруг подумала, что плохо расстается с людьми – она некомфортна, высокомерна, колюча, знает это, но не умеет быть другой. Ей всегда кажется, что ей завидуют, сплетничают о ней, радуются неудачам... Хотя, казалось бы, чему завидовать?

– Будь проще, – говорил ей Глеб. – Ты очень сложная, рас-

слабься, в нашем бизнесе нужны скоморохи. А ты как боксер: все время в стойке и ожидаешь удара. Никто не собирается тебя бить. Мы сработаемся – тебе затейники, мне пиар и цифирь. Я из вашего клуба знаю только Вербицкого, а ты там своя. Улыбайся почаще, и мы станем миллионерами...

Они долго спорили, выбирая название агентства: Глеб хотел что-нибудь простенькое, вызывающее улыбку, вроде «Веселых скоморохов» или «Смейся, паяц»... Глеб по характеру молчун, зануда, аккуратист, но вот, поди ж ты, толпу, радость и веселье ему подавай. Можно даже твое имя, сказал он, а что? Агентство «Полина» организует праздники и дарит радость. Она только морщилась: ты уверен, что это твое? Уверен, отвечал он. Все надоело, хочется света и улыбок. Кстати, как тебе «Улыбка»? Или «Смешинка»? Почему не «Снежинка», иронически спрашивала Польша. Или «Ежик»? Как вариант «Веселый ежик». Нет, будем думать еще. Название придумала она: «Трын-трава», и Глеб сразу согласился. Сказал, ну, ты, мать, и фантазерка!

– Ты давно с Глебом? – спросил Денис.

– Около двух лет. А ты с... – Она не закончила фразы, но Денис понял.

– Три года.

– У вас серьезно?

Денис молчал, глядя мимо Польша.

– Не знаю, – сказал наконец. – Мария хороший человек.

– И танцует неплохо, – не удержалась Польша и прикусила

язык.

– А у тебя с Глебом? Он сказал, что вы собираетесь пожениться...

Поль пожала плечами и промолчала.

– У тебя нет вина? Я хотел купить, но не знал... – Он запнулся.

«...не знал,пустишь ли», – мысленно закончила Поль.

Она кивнула и поднялась; достала из серванта бутылку «Бордо» и бокалы.

Денис откупорил вино, разлил:

– За нас!

Они пили вино, глядя друг на дружку. Поль выпила залпом; на нее налетело бесшабашное настроение, такое редкое в последние годы. Она смотрела на Дениса, и была в ее глазах сумасшедшинка, делавшая ее неотразимой, ожидание и готовность ответить. Денис сделал несколько глотков и отставил бокал; притянул Поль к себе и прошептал:

– Ты слаще вина... Помнишь?

Ответить она не успела, да и что было отвечать?

Она едва помнила их близость... Вернее, не помнила вообще. Он никогда ей не нравился, домашний мальчик, не умевший за себя постоять. Он переменялся. Сейчас с ней был мужчина, сильный и самоуверенный, знающий, чего хочет. Он помогал ей снять платье, и они смеялись его неуклюжим движениям; она развязывала узел галстука и расстегивала ему рубашу. Они знали, что сейчас произойдет, и слов-

но нарочно медлили, уставившись глаза в глаза, сталкиваясь неловкими раскаленными пальцами, прикасаясь к губам быстро и ласково, предвкушая...

...Она проснулась первой. Денис спал, разбросав руки. На журнальном столике стояла пустая бутылка и бокалы с недопитым вином. В комнате висели серые утренние сумерки. За окном мерехтел новый серый и пасмурный день. На полу валялась их одежда. Она постояла, разглядывая Дениса, и как была, нагая, пошла в ванную. Стояла под душем, пытаясь понять, что чувствует, вспоминала... Потом спросила себя: а что теперь, и ответила: к черту! Не знаю, не хочу знать...

Глава 5. Дамские разговоры за жизнь

*Я расскажу тебе – про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, – как вздымаются ветром веков
Кудри у юных – и бороды у стариков.*

М. Цветаева. Я расскажу тебе...

Раиса Витальевна пришла первой и заняла столик в углу у окна. Отсюда ей была видна улица с немногочисленными торопящимися прохожими, напоминавшими мокрых ворон – ветер вырывал из рук зонтики, и почти все держали их под мышкой. Небо было серым, вдоль тротуаров бежали ручьи, кусты в парке через дорогу пригибались к земле под тяжестью мокрого снега, а трава на газоне казалась удивительно свежей и зеленой. Декабрь...

Вот так и в жизни, вдруг подумала она, мокро, холодно, гадко, а трава зеленеет. Надежда? Наверное. Она вздохнула и покачала головой. А если нет ни травы, ни надежды? Тупик. Что тогда? Если нет ни сил, ни желания что-то менять? Приехать в город из ее тмутаракани потребовало особых усилий, два или три раза она доставала телефон, чтобы позвонить Шуре и сказать, что не приедет, – погода, настроение... даже

соврать, что простудилась, – и не решалась. Представила, как они сидят в маленьком уютном кафе с не менее уютным названием «Шарлотка», пьют кофе и разговаривают. Обо всем.

Они не виделись семь лет, с тех пор как она уволилась и в город стала выезжать редко и неохотно. Если не считать того корпоратива... с кошкой, почти месяц назад. Нет, сначала, конечно, хотелось пробежаться по лавкам, встретиться с подружками... Подружки? Их было несколько, с работы, с которыми она перезванивалась поначалу, а потом все реже и реже. Не о чем стало говорить. Офисные новости – кто уволился, женился, развелся, родил детей, – перестали интересовать. Максим в восемь утра уезжал на работу, и она оставалась одна. Шлялась по дому нечесаная, в халате и растоптанных шлепанцах, пила кофе, смотрела бесконечные сериалы, прибиралась...

Сначала у них была домработница, одна, другая, третья, но у нее с ними не складывалось. Да и для них было мало радости, что хозяйка торчит дома, заглядывает в руки и тычет пальцем в пыль на мебели и на полу, в плохо выглаженные полотенца, потускневшие зеркала и хрусталь. Они ее раздражали. Ей не хотелось никого видеть. Только цветы были отдушиной, она любила их всем сердцем, и они платили ей взаимностью. Гибискусы, азалии, в последнее время орхидеи – все буйно цвело и тянулось ей навстречу. Она с ними разговаривала...

Раиса часто вспоминала рассказ одного геолога, который

в одиночку искал золото в Сибири – дело было в тридцатых, когда геологов было мало. Сидя у костра, он разговаривал сам с собой, чтобы не забыть речь. Иногда из тайги выходил енот, садился напротив и, глядя ему в глаза, замороженно слушал. Мог сидеть так час, два... Так и она разговаривала с собой, только енота у нее не было. Были цветы – они слушали и понимали. А еще кошка Мирка, большая персидская зверюка с паршивым характером и неприветливой мордой. Она не позволяла себя гладить, могла укусить или царапнуть. Радости от нее было немного, вернее, чисто визуальная: смотреть можно, трогать нельзя. Иногда она думала, что нужно завести еще одну, пусть даже подобрать на улице – беспородные коты ласковые; был у нее в детстве Марсик, самый обыкновенный полосатик, любил лежать на коленях и мурлыкать. Думала, но руки не доходили.

А потом она начала наливать себе винца, сначала по чуть-чуть, потом... А потом суп с котом. Заказывала по Интернету тайком от Макса. От вина хорошо спалось, и ночью и днем. Спальни у них были разные, они давно перестали интересоваться друг дружку. Она убедила себя, что Макс ни о чем не догадывается. Собирала бутылки, прятала и раз в неделю выбрасывала в дальние контейнеры. Дни ее катились по наезженной колее: завтрак Макс – в последнее время все реже, – потом себе: кофе, кусочек сыру, фуллер вина, дремота под бормочущий телевизор; цветы; еще фуллер, еще, и сонная одурь до вечера. Она располнела и постарела. Иногда она

обещала себе, что завтра же возьмет себя в руки, выскочит в город, зайдет в кафе, выпьет кофе...

Она представляла, как сидит за столиком уличного кафе, пьет кофе и глазеет в окно на прохожих, а потом бродит по «Мегацентру», меряет кучу одежек, покупает что-нибудь... Платье! Или шляпку из рисовой соломки с широкими полями и кожаными шнурами с разноцветными бусинами на тулье. Такую шляпку Гриша купил ей в Айянапе... сто лет назад. Бледно-розовую. Интересно, где она сейчас? Валяется на антресолях? И Гриши больше нет. Умер Гриша. Инфаркт и... все. Мигом. Она тогда растерялась, и Макс, их генеральный директор, взял все в свои руки. Руки у него хорошие, он предприимчив, умеет ладить с клиентами и сотрудниками, прекрасно знает производство. И все легко, с шуточками, с улыбкой и комплиментами.

Гриша был не такой, а серьезный и тяжеловесный, принимая решение, отмерял не семь раз, а семьдесят семь. Никто не удивился, когда Макс через год сделал ей предложение и они поженились. Макс был моложе на семь лет... это не страшно, всякое бывает. Оба понимали – это скорее деловой союз, ну и что? Говорят, браки по расчету самые удачные. Макс был внимательным мужем, часто дарил цветы, а на юбилеи обязательно золотую безделушку. Он рассказывал ей офисные новости, советовался, она кивала, понимая, что это скорее вежливость, чем необходимость. Она стала ожидать, они много ездили, бывали в театре, звали гостей, а по-

том как-то незаметно, постепенно...

Когда она впервые это почувствовала? Ему позвонили по мобильному, и он не стал отвечать, сбросил звонок, сказал, неважно. У них были гости, она подавала на стол, бегала из гостиной в кухню, смеялась незатейливым шуткам подвыпивших мужчин и не заметила, как Макс исчез. Она увидела его через кухонное окно: он разговаривал по телефону на террасе, смеялся; раз или два оглянулся на окна гостиной. Ее супружеские инстинкты молчали, ну позвонил ему кто-то, подумаешь! Она не то чтобы верила ему, скорее, была равнодушна. Однажды она спросила себя: а если бы Гриша нашел себе кого-то и тайно встречался... что тогда? Гриша? Другая женщина? Она даже рассмеялась столь нелепому предположению. Нет! Гриша никогда бы не стал ее обманывать.

Макс уставал и часто увиливал от исполнения... гм... супружеского долга, но ее сексуальные аппетиты были весьма умеренны, и все постепенно сошло на нет. Он храпел, и она долго не могла заснуть. В доме было четыре спальни на случай «ночных» гостей, которых за семь лет ни разу не случилось. Она выбрала ту, что подальше от семейной, и сказала Макс, что плохо спит, а потому... а потому уходит в другую спальню. Макс удивился, подумал и сказал, что будет приходить к ней в гости...

...В кафе тепло и уютно. Людей мало: молодая пара, уткнувшаяся в айфоны, и две пожилые дамы, сидевшие голова к голове и негромко беседующие. Раиса Витальевна вдруг

подумала, что они намного старше... так ей показалось, но интереса к жизни не утратили, встречаются и в театр, наверное, ходят. И вдруг ее посетило чувство, что все будет хорошо, что-то носится в воздухе, перемены уже в пути, и она сможет вот так же... ну хотя бы с Шурой. На концерт или в кино... В кино? Она лет двадцать не была в кино, теперь, говорят, суперсовременные кинотеатры с эффектом присутствия. Жизнь продолжается! Оживление сменилось дремотой, она закрыла глаза и откинулась на спинку диванчика. Едва слышная музыка и мелькающие картинки на экране большого телевизора усыпляли, как и звяканье посуды, запах кофе и ванили.

– Раечка! Извини, я опоздала! – услышала Раиса Витальевна и вздрогнула. – Дрянная погода, маршрутки не ходят, везде толпы! И тачку не поймаешь!

Шура, холодная, мокрая, сдернула с головы берет и стряхнула капли растаявшего снега, стащила дубленку, повесила на спинку стула. Наклонилась и обняла Раису Витальевну, громко чмокнула в щеку и упала на стул, воскликнув:

– Ну и погодка! Терпеть не могу декабрь! Я голодная как собака! Что тут у них, не смотрела еще?

Раиса Витальевна рассматривала красное обветренное лицо Шуры, влажные пряди, упавшие на лоб, и улыбалась.

– Что? – спросила Шура, поправляя волосы. – Ой, мокрая! – Она схватила салфетку и вытерла лицо. – Давно ждешь?

Раиса Витальевна покачала головой:

– Я думала, ты не придешь.

– Я бы позвонила. Как пошла на работу, полно времени стало, а то, поверишь, крутишься с утра до вечера с детишками... у нас двое близняшек, Маришка и Сережа, приготовить, накормить, постирать, выгулять, да еще и ужин! Упаси боже запоздать! Сразу: а что ты весь день делала? Ты ж дома сидишь! А на работе лучше – пришла, перекинулась словом с девочками, сварили кофейку... Не дай бог сидеть дома! Да еще и смотрят как на нахлебницу. Доростила до трех лет, не угнаться за двумя сразу, старая стала, и говорю: а теперь, детишки, сами воспитывайте наследников! – Она рассмеялась.

Раиса Витальевна слушала, растроганно улыбаясь и испытывая то самое чувство ожидания, которое появилось внезапно, как вестник добрых перемен.

– Покажи внуков, – попросила Раиса Витальевна, и Шура с готовностью достала айфон.

– Славные! В кого пошли?

– Не разобрать. Света и Алик между собой очень похожи, их все принимают за брата и сестру. Оба светленькие, небольшие... И малышня такая же.

К ним подошла молоденькая официантка в длинном черном переднике, улыбнулась, взглянула вопросительно:

– Выбрали?

– Нам пасту с креветками, – сказала Раиса Витальевна. Спohватившись, спросила: – Шура, как тебе?

– Нормально!

– Тогда две пасты и... вино?

– Мне пиво! Люблю пиво. Зять приучил.

– А потом кофе и какой-нибудь десерт, у вас когда-то были отличные пирожные. По одному! – поспешила она, заметив гримаску Шуры. – И сегодня не ужинаем.

Девушка отошла.

– Надо чаще встречаться, – сказала Раиса Витальевна. – А то я совсем от людей отвыкла. За целый день, бывает, и слова не скажешь.

– Зато чистый воздух и природа. А у нас в городе дышать нечем, особенно летом. Ты говорила, у тебя цветов много?

– Много. Приедешь в гости, покажу. Макс часто задерживается, возвращается поздно – работы много. Вот и сегодня тоже сказал, чтобы не ждала. Декабрь, надо подводить итоги.

Шура промолчала и увела взгляд. Сказала с деланным оживлением:

– Макс у тебя классный спец, в руках все так и горит, любую сделку провернет!

Раиса Витальевна кивнула. Им принесли бокалы: ей с вином, Шуре с пивом.

– За тебя! – сказала Раиса Витальевна, поднимая бокал.

– За нас! Я просто не могу поверить, что мы вот так сидим... Надо бы почаще.

Они наблюдали, как девушка разгружает поднос с тарелками.

– Как тебе паста? – спросила Раиса Витальевна.

– Очень вкусно! – с энтузиазмом отозвалась Шура. – Рачка, я давно хотела спросить про вашу городскую квартиру, как она? Вы сдаете или продали?

Раиса Витальевна пожала плечами:

– Не сдаем. Не хочется возиться.

– Так и стоит пустая? А коммуналка? Не жалко денег?

Она снова пожала плечами и спросила, меняя тему:

– Ты хоть в театр ходишь? Или на концерты?

– Не очень. Последний раз была в театре два года назад, дети на день рождения подарили билет. Мюзикл вроде американский, много крику, прыгают, суетятся... Я бы лучше на «Сильву» ходила, честное слово. Красивая музыка, все понятно, меня еще в детстве мама водила...

– Приглашаю! Посмотрю, что у них, и закажу билеты, согласна?

– Согласна!

...Они хорошо сидели. Заказали еще по бокалу, а потом долго пили кофе с миндальными пирожными – одним дело не обошлось, – и вспоминали добрые старые времена, когда еще был Гриша... хороший и добрый человек. Уговаривались сходить в «Мегацентр» – пробежаться по лавкам; в театр, на концерт, а то и просто в парк посмотреть на реку, пусть только погода позволит. И вообще, скоро Новый год, снег обязательно выпадет... хоть немного. И мороз!

Они вышли на улицу, постояли у кафе, не желая расста-

ваться. Погода между тем переменялась, ветер стих, и дождь перестал. Было не холодно, свежо, пахло мокрым асфальтом и бензином. Народу на улице прибавилось, стало шумно. Шура поправила берет и прокричала:

– Раечка, я на маршрутку, вон моя семерка! Спасибо за ужин, я позвоню!

Она клюнула Раису Витальевну в щеку и побежала через дорогу. Раиса Витальевна осталась одна. Погода, конечно, не для прогулок, того и гляди снова польет, но ей не хотелось домой. Запахнув шубку и уткнувшись лицом в поднятый воротник, она пошла к площади. Там стояла громадная елка, пока без игрушек, как будто только что из лесу. Народу было немного, но в паре теремов торговали горячим шоколадом и кофе, а под навесом жарили шашлыки – запах пригорелого мяса шибал в нос. Там стояло несколько человек. И ведь находятся желающие, подумала она, остановившись под елкой.

Постояв, Раиса Витальевна пересекла площадь, собираясь поймать такси у театра, но что-то словно подтолкнуло ее, и она пошла к их старому дому. Их первая с Гришей нормальная квартира, три комнаты, прекрасный вид на парк. Как они радовались тогда! Гриша сам сделал ремонт... Она нашла окна и увидела, что они освещены. Тогда она вспомнила расспросы Шуры о городской квартире, на корпоративе и сегодня в кафе, ее уклончивый взгляд, когда она сказала, что Макс часто задерживается на работе... Первым побуждением Раисы Витальевны было пойти туда и... что? Лучше по-

звонить! Она достала айфон и набрала номер Макса. Он откликнулся после десятого сигнала.

– Раечка, что случилось? – спросил он, и ей показалось, что муж растерян.

– Ничего, просто решила позвонить. Я в городе, была с приятельницей в кафе... Ты еще долго? Может, зайти за тобой?

– Раечка, я в дороге... если бы раньше! Хотя бы на полчаса...

– Жаль, я думала, мы погуляем. На площади уже елка, дождь перестал...

– Я бы с удовольствием, но... Давай завтра? Приглашаю тебя в ресторан! В «Белую сову»!

Мысль о том, что Макс дал кому-нибудь ключ или даже сдал квартиру... а что? промелькнула и исчезла. Она отошла вглубь двора и принялась ждать. Через двадцать минут свет в квартире погас. Раиса Витальевна вжалась в дерево, боясь, что Макс ее заметит. Она не знала, зачем это делает, ей казалось, что она участница дешевого водевиля: обманутая жена отслеживает беспутного мужа, прячется в кустах, подглядывает в бинокль... Обманутая! Комедийный персонаж. Над обманутыми смеются и показывают пальцем.

Она вспомнила, как смотрели на нее сотрудники Макса, когда он танцевал с той... кошкой! Шура сказала, это Лена, будущая секретарша, вместо Насти... Вспомнила, как стояла под запертой дверью его кабинета, а там смеялись. Вспом-

нила, что чувствовала после анонимного звонка. Дура! Трижды дура! Не нужно было лететь на чертов корпоратив... Купилась на звонок! Зачем? Чтобы убедиться... в чем? Она вспомнила, как выдергивала из шкафа платья, одно за другим, как крутилась перед зеркалом и отбрасывала их прочь. А на тумбочке стояла бутылка вина и бокал. Она остановилась на белом – когда-то ей шел белый. Платье было тесновато, она смотрелась в зеркало, одергивала его, злилась, смахивала с лица упавшие пряди и тянулась за бокалом. Хорошо!

Макс потом сказал, что дверь захлопнулась случайно, что-то там заедает, и он был один. Она не стала настаивать, ей было стыдно. Подумала: может, правда, один, может, показалось? Ревновать по ее понятиям было унижительно. Она никогда не ревновала Гришу...

Макс появился не один. С ним была женщина в шубке с длинными темными волосами. Держась за руки, они подошли к припаркованной в глубине двора машине. Раиса Витальевна услышала, как пискнул пульт. В машине вспыхнул свет...

Была ли это та самая, хеллоуинская кошка? А разве она знает, как выглядит будущая секретарша? На ее лице была маска. Женщина из водевиля.

Машина давно уехала, а Раиса Витальевна все стояла за деревом, опираясь плечом о ствол. Она опомнилась, когда снова начал накрапывать дождь. Почувствовала, что озябла,

и медленно пошла прочь со двора...

Глава 6. Любовницы и жены

*Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!*

М. Цветаева. Под лаской плюшевого пледа...

– Ну не надо, успокойся, – просительно произнес Кусков, взял руку девушки и поднес к губам. – Не сердись!

– Ты пляшешь под ее дудку! – Она выдернула руку. – Стоило ей позвонить, как ты на задних лапках!

– А что, по-твоему, я должен был делать? Она в городе и собиралась зайти за мной в офис.

– Не знаю! Ты мужчина! Противно смотреть, как ты бегаешь по спальне, собираешь шмотки! Боишься?

– Лена, грубость тебе не идет, перестань.

– Да пошел ты! – Она отвернулась.

– Чего ты хочешь? – спросил Макс. – Чего тебе не хватает?

– Чего мне не хватает? А что у меня есть? У твоей старухи есть все! На сколько она старше? На десять лет? На пятнадцать? Как ты можешь с ней спать? Все смеются! Она же... страшная! Старая и страшная! Знаешь, что про вас говорят? – Она с удовольствием выкрикивала оскорбления, рублила рукой воздух, полная ненависти и разочарования.

– Перестань!

– Почему? Скажи, почему? Что тебя держит? Не понимаю... Тебе нужна нормальная семья, дети... С ней даже на люди показаться стыдно!

– Лена, мы это уже обсуждали. Я ей многим обязан, тебе не понять. – Макс был спокоен, только косточки на руках, сжимающих руль, побелели.

– Ты давно выплатил долг! Оставь ей дом, наконец, и уходи! Дай денег... Так и будешь с ней стареть?

Макс затормозил:

– Я позвоню. Иди.

– Пошел к черту! Не звони мне больше! – Девушка выскочила и побежала к дому.

Машина мигнула красными огнями и выехала со двора. Кусков спешил; не хватало, чтобы жена вернулась раньше. Хотя, всегда можно соврать, что пришлось менять крышку. Она никогда не звонит, подумал он, почему сейчас? После вечеринки? Он, конечно, перегнул тогда – все из-за Ленки, да и шепоток пошел. Шепоток? Трубный глас. Раиса сидит дома, а тут вдруг решила появиться на люди. Он всегда был осторожен, согласно своему неписаному коду: подруга – это подруга, а жена – жена. Их много, она одна. Она навсегда или надолго, они – однодневки. Он любит женщин... дурацкая фраза! А кого должен любить здоровый сильный мужик правильной ориентации? Любит, но никогда ничего не обещает. С самого начала ставит красные флажки: моя жена – прекрасный человек, она ничего не должна знать, ты

мне нравишься, но я несвободен. Как хочешь. Конечно, лучше, если дама замужем, она не откроет на него охоту... хотя бывает по-всякому. Женщин много, у него к ним подход, они чувствуют в нем мужчину. Он ласковый, юморной, добродушный, не жадный.

Лена, последняя, по малолетству не понимает правил игры и хочет большего. Он вдруг подумал, что такой молодой подруги у него еще не было. Глуповата, конечно, но хороша! Насмотрелась сериалов про золушек, и теперь подавай ей олигарха. Прет как танк. Она способна на все. Позвонит Раисе и выложит, что путается с ним. Вполне способна, дуриха. Но хороша! Ладно, посмотрим. Завтра не придет на работу или придет, но будет воротить морду, напустит официоз и на «вы».

Он рассмеялся невольно и подумал, а что, если: «Прощай, Раиса, ты хороший человек, но, пойми, любовница из тебя никакая, да и возраст...» – потрянуть стариной и жениться на малолетке? Не он первый, не он последний. Родить ребенка... а что? Если честно, постная Раисина физиономия порядком приелась, кроме того, она слишком увлеклась выпивкой, заказывает втихаря, думает, он ничего не знает. Может, это и к лучшему, это развязывает ему руки, ей все пофиг...

Стоп! А с чего она притащилась на корпоратив? Лет шесть или семь носа не казала, а тут вдруг? И сегодня позвонила... с чего бы это? Неужели знает? Догадалась? Или подружка Шура подсуетила и донесла? Коллектив женский, глаза-

стый, все в курсе их отношений с Ленкой, а она выставляет напоказ близость к телу, не выходит из его кабинета, хамит... фаворитка! Подбрасывает хворост в огонь, не понимает, дуреха малолетняя! Коллектив терпит, зато потом отыграется. Раздвоенные языки работают как заведенные. Связался черт с младенцем, пришло ему в голову. Черт их разберет, этих баб!

Пока ясно одно: не с чего было Раисе мчаться на корпоратив. Точка. Но она прилетела... и что? А с другой стороны, может, это и к лучшему. Восемь лет супружества без радости дают право на... что? А как делить нажитое непосильным трудом? Покойный Григорий Матвеевич был хорошим человеком, но никудышным предпринимателем, ему просто повезло: связи, знакомства, просто фарт. Он бы прогорел без него, Максима Кускова, который за восемь лет удвоил, а то и утроил производство! И теперь резать по живому, а потом выкупать у бывшей жены ее долю, лезть в долги? А потом отказывать себе в малом, восстанавливая уровень и статус? Слава богу, Раиса не худший вариант, спокойная, сидит дома с цветами, никуда не лезет. А что пить начала, так даже лучше... с ее давлением и сердцем... мало ли.

...Он щелкнул кнопкой пульта, открывая ворота, и въехал во двор. Окна дома темные, жены еще нет. Над крыльцом покачивался светильник на цепи, стилизованный под старинный газовый фонарь; бегающее туда-сюда пятно желтоватого неяркого света казалось живым. Он испытал странное чув-

ство: дом пуст, жены нет... впервые за восемь лет их брака он здесь один.

Он сбросил пальто; включая везде свет, прошел в кухню, открыл холодильник и достал бутылку «Абсолюта». Налил в чашку, выпил залпом, сморщился и потряс головой. Удивительная тишина стояла в доме. Ни шороха, ни скрипа. Пусто.

Он прошелся по гостиной, рухнул на диван. Мирка вздыбила шерсть и недовольно мяукнула. Кому ты нужна, пробормотал Кусков. Пшла! Посмотрел на часы. Ему вдруг пришло в голову, что Раиса уже дома, наверху, легла... Мысль вполне дурацкая, но чем черт не шутит. Перепрыгивая через три ступеньки, он помчался наверх, проверил спальню жены. Там было пусто. Идиот, сказал себе, она не могла приехать раньше!

Он спустился на первый этаж. Прошло около часа. Жены все не было. Он набрал ее номер, но телефон был отключен. А если... что-то случилось? Авария? Погода отвратительная, снова полило как из ведра! Дорога скользкая... Робкая надежда, что вот так неожиданно-негаданно могут решиться все его проблемы... Нет, он не желал ей смерти, но если так распорядится слепой случай... Его охватило чувство эйфории, он так волновался, что у него стали дрожать руки и он пролил водку. Горлышко стучало о край чашки. Глотнул сразу, снова зажмурился и потряс головой, чувствуя боль и горечь в горле.

Он задремал на диване; разбудил его звук захлопнувшей-

ся входной двери. Он смотрел на вошедшую жену как на при-
видение – убедил себя, что она... что ее уже нет! Он с силой
провел ладонями по лицу и хрипло выдохнул:

– Где ты была? Господи, я уже не знал, что думать!

– Погуляла на площади, посмотрела на елку, правда она
еще без игрушек. – Не сбрасывая шубы, она присела рядом. –
Испугался?

Она смотрела на него с улыбкой, и он почувствовал себя
маленьким мальчиком, разбившим мамину чашку.

– Испугался. Ты на такси? Никогда не садись к леваку.

– На такси. Ты давно дома?

– Час, наверное. Голодная?

– Нет, мы с Шурой поужинали в кафе.

– А я даже не сумел пообедать сегодня – конец года, надо
сводить концы с концами. Хлебнул малость, устал как соба-
ка. Что у нас есть?

– Сейчас что-нибудь найдем. – Раиса Витальевна подня-
лась. – Только разденусь.

Кусков вскочил, принял шубу; жена поблагодарила кив-
ком.

Она готовила ему яичницу, выкладывала на тарелку коп-
ченое мясо, бросала в тостер хлеб. Он налил в чашку водки.

– Выпьешь со мной?

Раиса Витальевна покачала головой:

– Нет. Мы с Шурой пили вино. То есть она пиво, а я вино.

– Клюкнули? – Он снова выпил одним глотком.

– Ключнули. Ты, я вижу, тоже.

– Ну! Пришел домой, а свет не горит и пусто, даже растерялся. Пришлось... вот.

Она поставила перед ним тарелку:

– Приятного аппетита, – села напротив, подперла голову рукой и молча смотрела, как он ест.

– Что? – спросил он, поднимая на нее взгляд и откладывая вилку.

– Может, сбежим куда-нибудь на море? Не люблю декабрь, читала, что это самый суицидальный месяц. Темный, ненастный... В Таиланд, например, к солнцу. Так хочется полежать на горячем песке... Сможешь вырваться на недельку?

– Можно в принципе, – сказал Кусков, разглядывая жену. – Ты же никогда никуда не хочешь... Что случилось?

– Подумала, что жизнь проходит, а я сижу в деревне с телевизором.

– А цветы?

– И с цветами, – согласилась жена. – Как на кладбище. Цветы и тишина. Еще телевизор иногда. Но все больше Интернет. До одурения. Читаю всякую ерунду, самой противно, а не оторвешься. Сегодня выбралась в город: полно людей, несмотря на непогоду, все смеются, куда-то бегут, много света, витрины, реклама... Я подумала, что мы можем иногда ночевать в городской квартире, чего ей пустовать. И тебе до работы рукой подать...

Кусков кольнул жену испытующим взглядом: знает? Догадывается? С чего вдруг заговорила о городской квартире?

— Шура говорит, вы бы сдавали, чего даром коммуналку платить, а я подумала, и правда. Там, наверно, все пылью заросло, я уже несколько лет не была. Может, давно все вынесли или потолок обвалился...

Он кивнул неопределенно и вернулся к еде...

...Муж храпел в своей спальне; Раиса Витальевна отложила книгу, которую пыталась читать, и поднялась. Как была, босая, вышла из комнаты и подошла к двери мужниной. Постояла с минуту, прислушиваясь к храпу, потом осторожно нажала на ручку. Дверь подалась, и она вошла. Постояла, привыкая к темноте. В слабом свете наружного фонаря проступили предметы: большая супружеская кровать и тумбочки с обеих сторон; на подушке выделялась голова мужа. Она подошла ближе и стала рассматривать его со странным чувством, как будто видела впервые. Кусков, словно почувствовав ее взгляд, шевельнулся и перестал храпеть. Раиса Витальевна затаила дыхание. Он снова захрапел, и она перевела дух. Подошла неслышно к его тумбочке, протянула руку и взяла айфон...

...Она несколько раз перечитала послания этой... кошки. Ее бросало то в жар, то в холод: то ли от содержания посланий, то ли от собственного неприличного поступка. *«Соскучилась, люблю, целую, вспоминаю, вся в синяках, хочу тебя... как вчера в ванной, подыхаю без тебя, сделаю все, что*

хочешь, хочу тебя, твои руки...» и так далее. При этом она называла его Максик... Максик! Дрянь! Ни стыда ни совести!

Лицо Раисы Витальевны горело, сердце бешено колотилось, она поминутно сглатывала, ей было трудно дышать.

Она старательно внесла номер *этой* в свой мобильный телефон – на всякий случай. Вышла из спальни, постояла под дверью мужа, но войти не решилась. Спустилась в гостиную. Застыла посередине, соображая и осматриваясь. Меж диванных подушек, разбросанных в беспорядке, спала Мирка. Она открыла один глаз, желтый как фара, и недовольно посмотрела на хозяйку. Раиса Витальевна сунула айфон между сиденьем и спинкой, так, чтобы бросался в глаза, и погрозила Мирке: «Не вздумай заложить!» Потом, не спеша, вернулась к себе.

Она так и не уснула до утра, вспоминала словечки *той...* она окрестила ее Кошкой, добавляя всякий раз новые обидные эпитеты. Раньше она думала о ней, как о случайной посторонней... кошке, не вкладывая в мысли ничего, кроме досады и, возможно, завистливого пренебрежения, теперь же это была Кошка с большой буквы. Кошка со статусом. Кошка-враг. Во-во, завистливого! Ключевое слово «зависть». Разница между этой девицей и Раисой Витальевной была настолько разительна, что завидовать просто бессмысленно. Именно! Бессмысленно. Но разве в чувствах есть смысл?

Раиса Витальевна была уравновешенной и здравомыслящей женщиной, никогда не сердилась, всегда умела оправдать и объяснить некрасивые поступки знакомых и незнакомых людей... Возможно, это объяснялось ленью или равнодушием, возможно, она никогда еще не была так сильно задета и оскорблена. Дрянь, думала она, сжимая кулаки. Кошка паршивая! Драная! Максик! Ей вдруг пришло в голову... Она схватила мобильный телефон. *Ее* номер заканчивается на три «двойки», так же как номер той, позвонившей и сказавшей, что у Макса роман... Перед ее глазами стояли три «двойки»! Случайное совпадение? Нет, номер был тот же. Эта дрянь позвонила ей и сказала... Она сама позвонила! Аферистка! Ей нужен скандал! Ну что ж, она его получит.

На рассвете Раису Витальевну разбудил легкий стук в дверь. Она открыла глаза и прислушалась. В спальне висели легкие утренние сумерки. Стук повторился, и дверь приоткрылась.

– Раечка, ты спишь? – услышала она голос мужа. – Доброе утро! Я убегаю, вчера не успел закончить отчет, надо спешить. Ненавижу декабрь! Полежи еще. Целую!

Раиса Витальевна услышала легкий стук закрывшейся двери и торопливые шаги мужа – он сбегал по ступенькам. Торопится, подумала она, к ней! Все вокруг приобретало новый смысл...

Глава 7. Друзья, друзья... друзья?

Если во время первого танца партнер еще ни разу не наступил вам на ногу, он обязательно наступит вам на ногу во время второго.

Из законов Мерфи о танго

– Поль, у нас шесть новогодних корпоративов! Пока! Кажется, мы раскрутились. А в январе можно на море. Выбери, куда! – Глеб купеческим жестом раскинул руки. – Люблю Новый год!

– До января дожить надо, – неохотно отозвалась Поль.

– Доживем! Нам бы еще одну снегурку... Может, позволишь своим? Самую заваливающую.

– Возьми англичанку.

– Марию? – Глеб расхохотался. – Она слишком дорогая, нам бы кого попроще. Да и Денис не разрешит.

– Дорогая? С ее физиономией?

– Поль, что с тобой? Нормальная деваха, незлая, добродушная... Денису с ней повезло. А танцует как! Ну да, не красавица, но держится хорошо, не лезет из шкуры, не выделяется, не колет глаза своим столичным мюзик-холлом. Стилль чувствуется. Не переживай ты так, не хочешь, не надо, найдем другую. – Глеб рассмеялся своей шутке; Поль молчала. – Что с тобой? – повторил он.

– Декабрь достал! – резко бросила Поль. – Темно, дождь

этот бесконечный... Устала. А она... кукла! Никаких эмоций, неживая, даже шуток не понимает. Как в коконе. Кукла с приклеенной улыбкой.

– В мюзик-холле они все как куклы. Это у вас, актеров, все эмоции наружу. Ничего, переживем декабрь и махнем...

Тон у Глеба был благодушным, и Поль подумала, что ему всегда все нравится, он всегда всем доволен: дурацким бизнесом, мелкими деньгами, даже депрессивный декабрь, бесконечный дождь со снегом и выдувающий душу ветер ему без разницы, он их даже не замечает. Что есть, то и ладно. Мелкотравчатость и невзыскательность – то, что всегда ее в нем раздражало. Тетка говорила про таких: с ним каши не сваришь! Она смотрела на довольное лицо Глеба, его шевелящиеся губы: он что-то говорил, но слова пролетали мимо. Поль, она вдруг перестала их слышать.

– Ненавижу декабрь! Паршивый, беспросветный... так и хочется повеситься! – выпалила она. – Подлый мелкий городишко! Подлые мелкие обыватели! Сплетни, скандалы... Достало все! – Она закрыла лицо ладонями.

– Девочка моя, да что это с тобой? Заболела? – Глеб положил руку ей на лоб. – Температуры нет. Не вздумай, ты мне нужна здоровенькая. Вы, женщины, очень зависите от погоды, всяких магнитных бурь... Я читал статью одного психиатра, он говорит: нужно переключаться. Хочешь, сделаю кофе?

– Сделай, – буркнула Поль.

– Слушаюсь! – Глеб зазвенел чашками. – Кстати, Денис приглашает завтра в «Английский клуб», пойдем? Повод надеть новое платье...

– Не пойду! – отозвалась она.

– Не пойдешь? – Глеб даже растерялся. – Как это? Почему не пойдешь? А я?

– Кто платит? Снова Денис?

– Поль, о чем ты! Он миллионер, это для него не деньги. Я был там всего раз, причем совершенно случайно. До сих пор помню. Самый крутой городской ресторан, крутизна во всем, начиная с холла и кончая посудой. Не говоря уже о жратве и официантах в ливреях.

– Тебе никогда не бывает стыдно? – закричала Поль. – Жратва, лакеи! Ты себя слышишь? Тебя не унижает, что он все время платит за нас?

– Платит тот, у кого есть лишние бабки. Не вижу никакой трагедии. Были бы у нас, платили бы мы. В чем унижение? Хочешь, чтобы заплатил я?

– А жила не лопнет? Давай заплати, хочу посмотреть.

– «Английский клуб» не потяну, а «Сову» – вполне. Он наш друг, ему приятно наше общество, у него здесь больше никого нет. Не понимаю, о чем ты! Не бери в голову.

– Как ты не понимаешь! – страстно выкрикнула Поль. – Мне стыдно! Понимаешь, стыдно! Чувствую себя бедной родственницей. Меня никто никогда так не унижал – он сует подачки, а ты готов бежать по первому зову. Не пойду.

– Напрасно ты так, Денис нормальный мужик. Тем более они скорее всего уедут, не верю, что Мария приживется у нас. Да и Денису неинтересно, он скучает по Лондону.

– Откуда ты знаешь? Он тебе сам сказал?

– Ничего он не говорил, просто мне так кажется. Посуди сама: наш городишко, как ты выразилась, – и Лондон, где он прижился, нашел хорошую работу... язык знает, наконец. Мария вообще там родилась. Я бы ни минуты здесь не осталась. Спихнет отцовский бизнес, и поминай как звали. Твой кофе. – Глеб поставил перед ней чашку. – Осторожно, горячий. Есть печенье, будешь?

Поль не ответила. Сидела, обхватив чашку руками и так сосредоточенно уставившись в черную жидкость, словно пыталась там что-то разглядеть.

– Так что пока они тут, будем дружить. Он обещал пригласить к себе в Лондон, но... сама понимаешь. Посмотрим. Ты очень сложная, Поль, а жизнь простая, не нужно пытаться изменить то, что не получится. Пупок надорвешь. Так что, как говорит Виталя Вербицкий, донт вори, би хеппи¹. И вообще, скоро Новый год! С детства мой любимый праздник, всегда ждешь подарки, елка, шары цветные, шампанское, друзья...

Поль смотрела на Глеба, и трудно было понять, чего в ее взгляде больше: презрения, злобы, нетерпимости... Глеб, ничего не подозревая, пытался развлечь подругу смешными

---

¹ Don't worry, be happy (англ.) – Не беспокойся, будь счастлив.

историями из детства, убеждал, что умеет предсказывать погоду и наколдует снег и морозы на весь январь, а они в это время будут валяться на пляже где-нибудь в Пхукете или на Бали. Он увлекся и нес что-то совсем уж запредельное про омаров и шампанское, про подводное плавание, громадные ракушки и кораллы, про древние храмы и необыкновенные сувениры. Поль едва сдерживалась, чтобы не закрыть уши ладонями и не закричать: «Замолчи, дурак!» Вид самодовольного болтливового Глеба был невыносим...

...Они все-таки пошли в «Английский клуб». Глеб восхищался, Денис поддакивал, Поль была мрачнее тучи, Мария неопределенно улыбалась, смотрела по сторонам и едва слушала.

– Девчонки, вы самые красивые! – сказал Глеб. – Скажи, Денис? Как две стороны золотой монеты...

Мария вопросительно взглянула на Дениса, и он поспешил объяснить:

– Глеб сказал, что ты и Поль похожи на золотую монету. Комплимент такой.

Мария кивнула и улыбнулась. Она была в длинном белом платье, без украшений и почти без косметики; белые волосы забраны в пучок на затылке. Поль – в коротком черном, с тяжелым гримом, – походила на вампира.

Когда Глеб потянул Марию танцевать, Поль уставилась на Дениса в упор и спросила:

– Ты с ней спишь?

– А ты? Он сказал, вы собираетесь пожениться. Правда?

– Нет. Ты не ответил на мой вопрос.

– Я с ней не сплю. Мария... у нас спокойные отношения, она вся в танце, ей ничего не нужно.

– Когда ты ей скажешь?

– О нас? – Денис улыбнулся и взял руку Поль. – Скажу. Я люблю тебя. Ты же знаешь. Всегда любил.

– Я тебе не верю! Вы в одной квартире... у вас же одна спальня!

– Мария позавчера переехала в гостиницу, а я начал ремонт. Отец совершенно не занимался домом, там просто сарай. Разбираю вещи, выбрасываю старое барахло. Я предложил, она согласилась. В «Братиславу». А вы? Глеб настроен серьезно, чуть ли не пригласил меня на свадьбу...

– Глеб неплохой человек, но... – Поль запнулась.

– Но?..

– Есть такое амплуа – простак, слышал? Это про Глеба.

– У вас успешный бизнес...

– Успешный? Скорее, безуспешный! – резко бросила Поль. – Конечно, кое-что капает, на жизнь хватает, только что это за жизнь? Приходится считать каждую копейку. Он ленив, благодушен, отменяет все мои предложения, ему и так хорошо... Надоело! Мы держимся только благодаря моим связям. Инженер из него тоже плохой, он полтора года был безработным, потом работал автомехаником, а потом Вербицкий... помнишь Виталию?

– Помню.

– Он предложил ему по старой дружбе заняться корпоративами, обещал помочь. Теперь сдает в аренду своих ребят – деньги всем нужны. Глеб хорош тем, что не кинет, как другие, отдаст все до копейки. Честен до идиотизма.

– Разве это плохо? – осторожно спросил Денис.

– Хорошо, наверное. Это просто иллюстрация, понимаешь? Фигура речи. Он держит слово, не врет, не виляет, кругом положительный... Простак!

– А я?

– Ты? – Поль улыбнулась, глядя на него в упор. – Ты... Кто же у нас ты? Коварный соблазнитель? Герой-любовник? Граф Дракула? Или всего понемногу?

– Кто я для тебя? Был и есть?

– Был? – Поль взглянула настороженно. – Я не понимала тебя... Мы встречались, но ты ни разу не сказал, что любишь. Я никогда не знала, что у тебя внутри, ты всегда был как будто в стороне. Да! Ты был отстраненным. И закрытым. Провожал домой, поджидал после спектакля, ничего не пытался... Ты никогда ничего не пытался! Смотрел молча. Помнишь?

Денис кивнул:

– Я боялся тебя. Вокруг тебя такие, как Вербицкий, это был твой круг, а я чужой. Я знал, что мне не... светит. Наверное, я тоже простак. И когда *это* все-таки случилось, я скорее удивился, чем обрадовался.

– Ты не протак! Тогда ты был маленьким, а теперь вырос...

– Я был не маленьким, а влюбленным, неуверенным, слабым... Твоя тетя поила меня чаем и утешала...

– А сейчас?

– Для меня ничего не изменилось.

– Ты меня любишь?

– Я тебя люблю.

– А что дальше?

– Я приду сегодня... можно? Я соскучился, ты все время перед глазами. Провожу Марию и приду...

Поль не успела ответить – к столику вернулись Глеб и Мария. Глеб был разгорячен и сиял, Мария улыбалась.

Что испытывает тот, кто обманывает друга? Кто пожимает ему руку и подмигивает его любимой женщине? Кто делит с ним пищу, смотрит ему в глаза, задушевно беседует за жизнь, постоянно помня при этом, что спит с его женой? Жизнь, конечно, та еще... какое бы тут словцо? Шутница? Нет, слишком мягко. Любопытный жестокий хихикающий тинейджер, тыкающий палкой в жука, чтобы посмотреть, как несчастный «насекомый» беспомощно шевелит лапками, закрывает глаза и притворяется мертвым.

Поль притворялась любящей подругой Глеба... Любящей – это конечно, громко сказано: Поль, задиристая и резкая, была скорее деловым партнером с намеком на любовный уклон. Денис притворялся его добрым старым другом. А где

место Марии в этом раскладе? Непонятно. Подруга? Невеста? Просто Мария? В смысле попутчица: а что, захотела побывать на родине предков, и Денис не смог отказать. А время от времени можно... э-э-э... перепихнуться, чего уж там, мы современные люди, никаких предрассудков.

Мария порозовела скулами, белая прядка выпала из прически, она все время улыбалась. Глеб целовал ей пальцы и говорил комплименты, Поль... ну мы уже знаем – была мрачнее тучи. Денис взял на себя роль тамады и лидера. Он изучал меню; Глеб сказал, что, принимая во внимание отвратительную погоду, хочет селедки под приличную водочку, а потом здоровый честный английский ростбиф с картошкой – можно фри, – под каким-нибудь забойным соусом. Поль после долгих раздумий заказала рыбу и белое вино, можно шардоне, а Мария попросила овощи-гриль и минеральную воду, так как мяса не ест и вина не пьет. Снимаю шляпу, сказал Глеб, я бы не выдержал!

Они сидели в углу под пальмой, и весь зал был перед ними как на ладони. Сверкающая люстра, горящая вполнакала, неяркие бра по стенам, снующие водомерками официанты во фраках, «живая» шелестящая музыка на маленькой сцене в противоположном углу, – что-то невесомое и нежное.

– За наших девочек! – сказал Глеб, поднимая рюмку. Они выпили. Глеб тут же налил себе еще: – Недопой хуже перепоя! Денис, Мария, не хотите с нами на океан? Можно в Индию или в Таиланд. Отгуляем Новый год, развяжемся с

утренниками, и вперед! А что? Поваляемся на песке, поплаваем...

– Я не люблю много солнца, – сказала Мария. – Кожа портится.

– Будешь под зонтиком! Купим тебе большой голубой зонтик...

– Куда именно? – Денис взглянул на Поль – та смотрела в тарелку.

– Глеб, как всегда, забегает наперед, – голос у Поль был неприятным. – Мы еще ничего не решили, и я не уверена, что вообще хочу лететь чуть ли не сутки...

– Разве сутки? – удивилась Мария. – По-моему, около десяти часов без пересадки. Мы были в прошлом году в Гоа. Денис купил мне три платья из батиста с узорами, вышитые разноцветным шелком, очень красивые. Сам выбрал. Голубое, зеленое и желтое. Зеленое я забыла в гостинице! – Мария рассмеялась. – Все хорошо, но я обгорела, спина болела и коленки.

– Коленки? – удивился Глеб. – Почему коленки?

– Странно, да? Только спина и коленки. Песок был страшно горячий, а волны ночью светились как стразы. Там нет вечера – закат и сразу ночь. И большие звезды совсем низко.

– Едем! – Глеб хлопнул ладонью по столу. – Хочу купить платья, посмотреть на низкие звезды и наловить стразов. Акулы там есть?

– Мы не видели. Были дельфины и еще обезьяны, малень-

кие, ничего не боятся, вырывают бананы прямо из рук. Одна схватила мою шляпу, Денис побежал за ней, а она запуталась в лентах, и он отобрал. — Мария снова рассмеялась.

— Даже думать нечего! Едем! В январе. У меня знакомая в турбюро, завтра же позвоню, узнаю, как и что.

Чувствовалось, что Глеб опьянел, он слишком громко смеялся и размахивал руками, строил планы поимки обезьяны и катания на дельфине. Мария хохотала, что было совершенно на нее не похоже. Потом они снова убежали танцевать; Поль и Денис остались одни.

— Лина, я приду? — В голосе Дениса была мольба. — Я соскучился! Ни о чем другом не могу думать... Я приду?

Поль кивнула. Долгую минуту они смотрели друг дружке в глаза...

...Глеб отодвинул стул и усадил Марию. Схватил графин с водкой, воскликнул:

— Мария меня затанцевала, падаю с ног. Давайте за дружбу! Я всех вас люблю!

Денис пригубил и отставил рюмку, Поль залпом выпила свой бокал, сморщилась:

— Ох и кислятина!

Мария пила воду. Она была самая трезвая, разгоряченная после танца, довольная.

— Поль, Глеб сказал, ты актриса! — Она с улыбкой смотрела на Польшу. — Почему ты ушла из театра?

Поль с удовольствием ответила бы: «не твое дело», но

вместо этого пожала плечами и неохотно сказала:

– Так получилось.

– Ты красивая. Ты хорошая актриса. Очень!

Поль вспыхнула скулами. Возникла неловкая пауза.

– Откуда ты знаешь? – рассмеялся Глеб.

– Я чувствую. Разве нет?

– Если честно, ни разу не видел Поль на сцене, – признался Глеб. – Виталя Вербицкий говорит, что хороша, жалеет теперь. Это режиссер молодежного театра, Поль работала у него. Еще до меня.

– Может, хватит? – с вызовом спросила Поль. – Ушла и ушла, никому не интересно. Молодежный тот еще отстойник, все приличные давно сбежали. Вербицкий считает себя талантом, а сам... – Она махнула рукой.

– Его очень хвалят, – примирительно сказал Глеб. – Говорят, билеты на премьеру раскупают за полгода. Не знаю, не был ни разу, хотя он зовет. Но театр – это не мое, тут я профан. Мне бы цифры и схемы...

– Особенно схемы, – уронила Поль.

– Все мы погрязли в болоте, но некоторые из нас смотрят на звезды, – вдруг сказала Мария. Ни с того ни с сего.

– Красиво. Сама придумала? – спросил Глеб.

– Нет, это Оскар Уайльд. Мне пьесы его нравятся, «Как важно быть серьезным» раз десять смотрела. Много афоризмов вроде этого, настоящий английский юмор. В вашем театре не ставили?

Поль не ответила.

– А что такое английский юмор? – спросил Глеб. – Говорят, они не догоняют наши анекдоты.

– Наши анекдоты никто не догоняет, – сказал Денис. – У всех свой юмор. Англичане говорят «свой дурак в рукаве». Американский юмор, например, называют «бананошкурный»...

– В смысле примитивный? Старушка поскользнулась на шкурке, и все смеются?

– Английский юмор – это сарказм и абсурд, – сказала Мария. – Я люблю Оскара Уайльда, знаю много на память, например, о любви. Сейчас переведу! – Она задумалась на минуту и сказала: – Любовь начинается с обмана себя, а кончается обманом другого. Или вот еще: мужей всегда ревнуют некрасивые женщины, а красивые ревнуют чужих...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.